

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

**ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
КАФЕДРА НЕМЕЦКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ**

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЭЛЕМЕНТОМ «ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ»
В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО И
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)**

магистерская диссертация
обучающейся по направлению подготовки
44.03.05 Педагогическое образование
группы 02051683 заочной формы обучения
ТОМОНОВОЙ Анны Александровны

Научный руководитель
д.филол.н., профессор
Седых А.П.

Рецензент
руководитель аппарата ректора
к.филол.н., доцент кафедры
иностранных языков Института
экономики и менеджмента БГТУ им.
В.Г Шухова
Куган Е.И.

БЕЛГОРОД 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Теоретические основы изучения фразеологизмов с числовым компонентом в лингвокультурологическом аспекте	
1.1. Общие вопросы в теории фразеологии	9
1.2. Теоретические предпосылки исследования числительных и числовых компонентов на базе сопоставляемых языков	22
1.3. Теория дискурса и его классификация в языкознании	37
1.4. Выводы	44
Глава II. Типологические особенности фразеологизмов с числительными сопоставляемых языков	
2.1. Характерные особенности классификации фразеологизмов с числительными	46
2.2. Семантический код русских, французских и английских фразеологизмов с элементом «числительное»	55
2.3. Национальная специфика и этимология числительных в фразеологизмах изучаемых языков	
2.4. Специфика употребления языковых универсалий и национально-культурных особенностей фразеологических единиц с числовым элементом в современном дискурсе	81
2.5. Выводы	96
Заключение	98
Литература	101
Приложения	109

ВВЕДЕНИЕ

Язык представляет собой систему знаков, используемую для целей коммуникации и познания. Выполняя различные функции, он является средством передачи и хранения знаний и человеческого опыта. В результате духовной деятельности человека в обществе возникает целостный образ мира, «картина мира», тем или иным способом определяющая ориентацию человека в его ежедневном жизненном пространстве и времени. Это основная составляющая мировидения человека, способствующая тесной связи и единству знания и поведения людей в обществе. При этом справедливо считается, что национальная картина мира отражается в национальном языке.

Национально-культурные факторы: условия жизни народа, менталитет, особенности культуры, своеобразие языкового развития – находят свое отражение в языке. Общественный характер языка определяет его кумулятивную функцию, т.е. способность вбирать в себя и хранить информацию (см. Нагаева, 2003). Выявление национально-культурной семантики предполагает анализ содержания, восходящего к особенностям географии, общественного устройства, литературы, науки, экономики, т.е. культурного, идиоэтнического, культурно-исторического, или культуруносного компонентов семантики.

Национальное своеобразие культуры находит свое выражение особенно ярко на фразеологическом уровне языка. Фразеологическая единица (далее ФЕ) рассматривается в качестве экспонента культурного знания, через который осуществляется взаимодействие языковой и культурной семантики. «Когнитивная память» ФЕ хранит и воспроизводит культурные традиции общенародного менталитета, что обуславливает существование ФЕ как своеобразных констант мировидения и миропонимания и «возвышает» ФЕ до степени культурного знака.

Число, будучи одним из базисных концептов, отражает единый когнитивный процесс для всех людей. Числа с древних времен были тесно

связаны с жизнедеятельностью людей. Отражая мудрость и искусство народов, числительные являются важным компонентом в картине мира, так как в любом языке имеется определенное число идиом с числительными.

Отражая мировосприятие, национальную культуру социума, фразеология является наичценнейшим наследием лингвистики, накапливая в языке коллективный опыт, передаваемый из поколения в поколение. Он позволяет исследовать прошлое не только с языковой позиции, но и с культурно-исторической, дав его носителям основания выдвигать гипотезы о культурно-национальной рефлексии. А.В. Кунин (2005) определяет фразеологию как «сокровищницу языка», т.к. «во фразеологической единице находит отражение народная история, культура и быт нации» (Кунин, 2005, б).

Основа фразеологической системы языка не только набор фразеологических единиц, но и представление закономерностей формирования ФЕ, отношения и внутренние свойства их компонентов, связь между ФЕ как элементами системы и их корреляция с единицами других уровней. Фразеологизмы являются одними из языковых универсальных понятий, так как без фразеологических единиц не зарегистрировано ни одного языка. Выражая отвлеченное через чувственное и наглядно осязаемое, абстрактное через конкретное, фразеологизмы представляют собой определенную форму рефлексии внеязыковой действительности. Во многих случаях они считаются единственными номинативами процессов, состояний, предметов, свойств, ситуаций и т.д. Свойственные фразеологизму метафоричность, фамильярный или разговорный тона, ирония, игра слов предназначены для выражения разнообразной гаммы чувств и отношений: злости, счастья, облегчения, удовольствия, пренебрежения. ФЕ приходят на помощь там, где нет возможности найти точные определения, так как короткий фразеологизм зачастую дает гораздо более емкую характеристику человека и его действий.

Во фразеологической традиции национально-культурная специфика ФЕ традиционно описывалась в плане ее выражения. Специфические культурно-бытовые термины, этнонимы, архаические элементы лексикона и грамматики ФЕ, требующие этимологического и историко-генетического комментария к ним, выступают в роли культурных маркеров и рассматриваются в плане выявления национально-специфического и культурно значимого аспектов.

Будучи таким многогранным явлением, фразеология требует особого исследования с использованием данных других наук, таких как философия, логика, страноведение, лексикология, стилистика, истории языка, грамматика, фонетика и др.

По ряду проблем фразеологии мнения лингвистов расходятся по вполне естественным причинам, ввиду этого установлении специфических особенностей фразеологического фонда и его общей характеристики является важной задачей в изучение конкретных фактов.

Данная магистерская диссертация представляет собой анализ фразеологического фонда русского, французского и английского языков на материале ФЕ с элементом «числительное» с учетом национально-культурной информации, заложенной в них.

Недостаточная разработанность указанного направления определяет **актуальность** данной работы. Актуальным является и специфика употребления числительных во фразеологических единицах в рассматриваемых языках. Сопоставительный анализ позволит выявить семантическую составляющую, культурную значимость и национальную специфику числа во фразеологизмах.

Объектом исследования являются единицы фразеологии с компонентом, выраженным числительным.

Предметом исследования – сопоставительный анализ семантики и специфики ФЕ с элементом «числительное» в русском, французском и английском языках.

Теоретической основой работы послужили труды зарубежных и русских лингвистов, посвященные вопросам теории фразеологии в изучаемых языках (Балли: 1961; Виноградов: 1977; Назарян: 1987; Шевченко: 2001; Кириллова: 2003; Чернева 2003; Кунин: 2005; Гак 2006; Осипова: 2008; Семененко: 2009; Алиференко: 2009; Пасечник 2009; Шабалина: 2011; Цветкова: 2012; Шипицына: 2012; Амосова: 2013; Седых: 2011; и др.).

Таким образом, **цель** настоящей работы состоит в выявлении типологических общих и различных особенностей функционирования в современном дискурсе фразеологизмов с числовым компонентом в русском, французском и английском языках.

Достижение цели исследования связано с решением следующих **задач**:

1. Изучить общие вопросы в теории фразеологии;
2. Выявить теоретические предпосылки исследования числительных и числовых компонентов лингвистами на материале французского, английского и русского языков;
3. Проработать вопрос о теории дискурса в современной лингвистике.
4. Исследовать семантику фразеологизмов с компонентом «числительное» в изучаемых языках, выявить характерные особенности фразеологических единиц с числительными разноструктурных языков;
5. Выделить типологические особенности фразеологических единиц с числительными в рассматриваемых языках, а именно:
 - а) произвести сплошную выборку фразеологизмов с компонентом числительным из современных словарей;
 - б) сопоставить фразеологические единицы французского, английского и русского языков в соответствии с выделенными критериями;
 - в) создать классификацию ФЕ с элементом «числительное» на основе выделенных критериев.

Исходя из цели работы мы выдвигаем следующую **гипотезу исследования**: фразеологизмы с числовым компонентом в русском, французском и английском языках имеют больше типологических общих,

нежели различных особенностей функционирования в современном дискурсе.

Выявление частного, индивидуального и общего, национального наиболее ярко достигается путем сравнения, поэтому в работе используется метод сопоставительного анализа с применением лингвострановедческого комментария, а также комплексного анализа, включающий: метод семантического анализа, описательный, сплошной выборки.

Апробация работы и публикации По материалам исследования были подготовлены и прочитаны доклады на научных конференциях и семинарах: «Национальная специфика количественных фразеологизмов в русском, английском и французском языках» (по материалам III Международной научной конференции «Лексикография и коммуникация – 2017» (г. Белгород, 27.04 – 28.04.2018), «Национально-культурная особенность количественных фразеологизмов французского языка» (по материалам IV Международной научной конференции «Лексикография и коммуникация – 2018» (г. Белгород, 26.04 – 27.04.2018). Основные положения исследования нашли отражение в 2 публикациях.

Материалом исследования послужили 175 французских, 130 английских и 155 русских фразеологических единиц с элементом «числительное», извлеченных путем сплошной выборки из различных фразеологических и тематических словарей, датированных после 1985 г. (всего 25 толковых, этимологических, фразеологических, двуязычных, одноязычных и др. словарей) Список словарей приведен после списка использованной литературы.

Актуальность данного исследования в том, что оно является опытом сопоставительного анализа семантических, структурных и культурологических особенностей фразеологических единиц с числительными на материале 3 разноструктурных языков.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что в работе выявлена специфика числа во фразеологических единицах

исследуемых языков, установлены двуязычные, а также трехязычные соответствия фразеологизмов разноструктурных языков.

Практическая значимость работы отражена в том, что материал исследования может быть использован в подготовке рефератов, докладов и сообщений по вопросам семантики изучаемых языков, в преподавании русского, французского и английского языков как иностранных.

На защиту мы выносим следующие положения:

1. Фразеологическая семантика тесно соприкасается с лексической, с рядом свойственных ей характерных особенностей.

2. Национально-культурная ценность фразеологизмов складывается на основе комплексного отражения национальной культуры языка со всеми своими идиоматичными значениями.

3. Лексемам в составе фразеологических единиц свойственна семантизация, частичная семантизация, частичная десемантизация, полная десемантизация.

4. При рассмотрении самых частотных фразеосочетаний в трех анализируемых языках, в количественном отношении выделяются три группы аналогов: трехязычные аналоги: фр. – англ. – рус. и три пары двуязычных аналогов: самые широко распространенные группы: фр. – рус. ; англ. - рус., и узкая группа: фр. - англ.

Объем и структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, словарей, справочных изданий и приложений.

Глава I. Теоретические основы изучения фразеологизмов с числовым компонентом в лингвокультурологическом аспекте

1.1. Общие вопросы в теории фразеологии

Значимость фразеологии как особой подсистемы языка определяется ее основной – кумулятивно- коммуникативной – функцией, т.е. накапливать многовековой опыт познания мира и передавать этот опыт не только сменяющимся поколениям одного лингвокультурного сообщества, но и представителям других культур, существенно расширяя перспективы из восприятия и познания действительности. При этом, однако, фразеологизм, являясь микротекстом культуры (по В.Н. Телия), требует особого умения в его прочтении, при котором возможно достичь сокрытых за внешней формой знака глубинных культурных слоев фразеологической семантики и постичь особые, неповторимые национальные образы мира. Как справедливо отмечает В.Н. Телия, «история фразеологического состава языка – это не только история его формирования, но и история мировидения и миропонимания народа, поскольку отбор образов и их оязыковление – это результат культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить отношение к ним – ценностное или эмоционально значимое» [Телия: 1996, 82].

Богатство языка – это богатство его выразительных и образных средств, поговорок, оборотов, крылатых слов, т.е. его фразеологии. Здесь раскрывается целый мир, историческая эпоха, сведения о фактах ушедшего быта, представлений и верований наших предков, реальные события далекого прошлого.

Другая особенность фразеологии – образное выражение явлений действительности. Фразеологизмы придают речи особую выразительность, подчеркивают национальную специфику, своеобразие языка. Благодаря

образности фразеологизмов, речь становится ярче, эмоциональней и выразительней.

Возникновение фразеологии как лингвистической дисциплины связано с именем В. В. Виноградова (1977), в работах которого были поставлены вопросы об основных понятиях, объеме и задачах науки. Факты говорят о том, что только изучение фразеологического состава каждой из предшествующих эпох позволяет установить истоки современной фразеологической системы, проследить пути и осмыслить законы ее формирования, по словам А. В. Кунина «фразеологический состав языка носит системный характер, а не является суммой изолированных друг от друга фразеологизмов [Кунин, 2005: 28].

За последние двадцать - тридцать лет в языкознании появилось много работ по лексикологии, посвященные проблематике фразеологии различных языков. В самых различных аспектах исследуются «поведение ФЕ в речи, различные вариативные и окказиональные изменения, которым эти единицы подвергаются в процессе функционирования, соотношение компонентов ФЕ и соответствующих им слов свободного употребления и т.д. в этих работах все упомянутые функциональные свойства ФЕ и их компонентов справедливо рассматриваются как свидетельство семантической природы данных единиц. Таким образом, появление известных работ академика В.В. Виноградова по фразеологии русского языка явилось важным стимулом разработки проблем фразеологии в советском языкознании [Барабаш, 1955 цит. по Амосовой, 2013, 4].

Будучи первооткрывателем советской теории фразеологии, исследования академика В. В. Виноградова требуют нашего особого внимания. Данная теория представила собой развитие или трансформацию учения Ш. Балли об устойчивых предложениях. Ш. Балли - первый ученый, систематизировавший ФЕ в своих трудах (Bally: 1905, 1909, 1961), предложивший деление французских фразеологических единиц на 2 основных типа: «фразеологические единства» и «фразеологические ряды»

(или «привычные сочетания»), и один промежуточный тип – «глагольные сочетания», где «единства – «сращения» [Балли, 1961 цит. по Амосовой, 2013, 5]. Написанная в самом начале изучения фразеологии, работа лингвиста привела к дальнейшему исследованию фразеологических единиц, что нашло отражение в работах многих отечественных и зарубежных ученых.

Определение понятия «фразеологизм» по-разному освещается лингвистами, исследующими фразеологический состав языков, причем в вопросе состава таких единиц наблюдается разница во взглядах ученых в каждом из языков. Отнесенность к фразеологизмам различных групп словосочетаний и степень устойчивости словосочетаний специфично определяется авторами-исследователями. Д.Н. Шмелев писал о сложившемся к середине семидесятых годов положении дел во фразеологии: «Наиболее странное впечатление производит, однако, даже не разницей в терминологии, а то, что «фразеология» понимается некоторыми исследователями как нечто само по себе данное в языке и в своих точных границах. В связи с этим отдельные исследователи признают «неправильным» включение во фразеологию тех или иных разрядов словосочетаний лишь на основании того, что их представление о фразеологии не совпадает с другим представлением, в соответствии с которым такие-то словосочетания признаются или не признаются фразеологизмами [Шмелёв, 2009: 297].

Согласно определению Д. Э. Розенталя, «фразеологизм – это лексически неделимое, устойчивое в своем составе и структуре, целостное по значению словосочетание, воспроизводимое в виде готовой речевой единицы» [Розенталь, 1985: 277].

Под устойчивостью единицы И.А. Мельчук понимает прогнозируемость появления компонентов сочетания в определенном порядке по отношению к одному из них (Мельчук, 2012). Так устойчивость словосочетания «*бить баклуши*» относительно элемента «*баклуши*» равна 100 %, а относительность элемента «*бить*» - нулю. Названные признаки

дают характеристику форме фразеологизма, но фразеологизм начинается там, где заканчивается смысловая самостоятельность его составных частей, т.е. есть признаки, характеризующие внутреннее содержание фразеологизма.

Под фразеологизмом В.П. Жуков (1986) понимает в речи оборот, построенный по образцу сочинительных и подчинительных словосочетаний и свободно воспроизводимый оборот, обладающий целостным значением.

Н.М. Шанский относит к фразеологическим оборотам устойчивые сочетания слов, семантически эквивалентные слову, а также единства, в семантическом и структурном плане представляющие собой предложения, т.е. практически все воспроизводимые в готовом виде ФЕ [Шанский, 2012: 63].

Во фразеологическом составе языка в знаковой форме фиксируются ментофакты материальной и духовной культуры нации, отражаются ценностные ориентации того или иного социума, система его моральных, этических и эстетических предпочтений, иллюстрирующая особенности менталитета конкретного этноса. Фразеологические обороты разных типов (идиомы, поговорки, устойчивые компаративы) являются «формой выражения объективной реальности в сознании носителей языка, системных отношений самого мира реалий . Они обладают «многомерной структурой, включающей помимо понятийной основы социопсихокультурную часть», которая мыслится и переживается носителем языка и включает эмоции, оценки, национальные образы, присущие данной культуре [Маслова, 2004: 36].

Таким образом, общими признаками фразеологизмов, выделяемыми из определений, являются воспроизводимость в речи, раздельнооформленность, устойчивость компонентного состава и признак полной или частичной идиоматичности. В процессе переосмыслений значений слов-компонентов ФЕ также свойственна идиоматика значения. Таким образом данный признак - существенный при узком и широком понимании фразеологизмов (это связано с проблемой объема и границ фразеологии).

Фразеология раскрывает вопросы о несвободных сочетаниях слов с «многоярусной и нечеткой системой отличительных свойств, поэтому ее границы с некоторой степени условны и подвижны. Ш. Балли так описывает связанность значения, семантически реализуемого во ФЕ: «Когда абстрактное существительное, прилагательное или глагол, сохраняя свою независимость, кажутся связанными в силу обычая с другим словом, обозначающим качество, роль этого слова нередко сводится к тому, что оно усиливает основное значение существительного, прилагательного или глагола, не добавляя никакого нового оттенка, не ограничивая и не уточняя исходное понятие» [Балли, 1961 цит. по Телии, 1996, 14].

Среди спорных вопросов фразеологии лингвистический статус компонента ФЕ вызывает наибольшие разногласия. Если сравнить фразеологическую систему языка с наиболее близкой ей лексической системой, то мы увидим, первая менее совершенная и более противоречива. Во-первых, лексика охватывает гораздо большее число понятий, чем фразеология. Во-вторых, в лексике полисемия гораздо более развита, нежели в сфере фразеологии (за исключением терминов). В-третьих, синонимия и антонимия в лексике имеют более регулярный и упорядоченный характер, чем во фразеологии, например любое качественное прилагательное или наречие в языке, как правило, образует антонимическую пару, что далеко не всегда наблюдается в адъективных и адвербиальных ФЕ.

Ученые расходятся во мнениях, одни считают, что фразеологический компонент является семантически опустошенным строевым элементом (В. П. Жуков, А. И. Молотков); другие рассматривают компонент ФЕ как специфически употребленное слово (Ю.А. Гвоздарев, А.В. Кунин, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко). Так В. Н. Телия определяет ФЕ: «Фразеологическая единица представляет собой слова и предложения, связанные семантически, где, в отличие от похожих по форме синтаксических структур, построение высказывания в речи производится в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного

грамматико-лексической составляющей [Телия, 1990: 559]. Таким образом, значение одного и того же компонента отличается в составе разных ФЕ. Основанием для этого выступает некая автономность фразеологического компонента, т. е. компоненты, в составе фразеологических единиц, окончательно не теряют свои словесные свойства. В формировании семантической структуры компоненты фразеологических единиц играют значимую роль, благодаря сопоставлению значения лексемы с фразеозначением, можно выявить десемантизацию слова, употребленного в качестве компонента фразеологизма, его роль в формировании фразеологического значения.

Первопроходцем в вопросе фразеологии в качестве лингвистической дисциплины стал Е.Д. Поливанов. Ученый поднимает данную тему во многих работах (Поливанов, 1928, 1933). Автор утверждает, что «морфология изучает формальные значения словосочетаний, в то время как лексика - индивидуальные лексические значения слов (А.Х. Востоков ввел термин «словосочетание» в «Русской грамматике», 1835). И вот возникает потребность в особом отделе, который бы приравнивался к синтаксису, и в то же время описывал не общие типы, а индивидуальную семантику данных словосочетаний, соизмеримо лексике, имеющей дело с индивидуальными (лексическими) значениями отдельных слов. Данному разделу в языкознании, как и комплексу исследуемых в нем явлений, я и уделяю наименование фразеологии (идиоматики)» [Поливанов, 1933: 119]. Автор подчеркнул, что, «подобно морфологии или фонетике, фразеология займет позицию обособленности и устойчивости» [цит. по Кунину, 2005: 13].

Впервые после Е. Д. Поливанова снова этот вопрос был поднят Б. А. Лариным. Автор пишет, что «фразеология в качестве лингвистической дисциплины находится в стадии «скрытого развития»... но еще не оформилась как зрелый плод» [цит. по Кунину, 2005: 14].

Таким образом, отечественной науке принадлежит первенство в выделении фразеологии как отдельной лингвистической дисциплины. По

данным специалистов, Россия занимает первое место в мире в области изучения фразеологии различных языков, о чем убедительно говорят данные о 15255 работах по фразеологии, зарегистрированных в период с 1933 по 1999 гг. , а также новые работы по теме фразеологии различных языков, датированные до 2017 года.

Фразеология оформилась в самостоятельную дисциплину лингвистики, выйдя за рамки одного из разделов лексикологии, обладая собственным объектом и методом исследования.

Постоянным расширением проблематики фразеологии и интенсивное ее развитие привело к выделению ряда разделов в составе этой дисциплины. Данные разделы обладают своим конкретным объектом исследования. На данный момент необходимо рассмотреть как оформившиеся следующие разделы:

1. **Фразеологическая семантика** – раздел, изучающий содержательную сторону ФЕ, охватывающий большой круг вопросов: семантической структуры ФЕ, проблемы фразеологического значения, образность ФЕ, внутренняя форма и т. д. следует отметить, что все исследователи-фразеологи, независимо от изучаемого аспекта или раздела фразеологии, затрагивают в своих произведениях проблемы фразеологической семантики, что и определяет ведущее положение данного раздела среди остальных.

2. **Фразеологическая стилистика** – раздел, изучающий стилистические средства и функции ФЕ при их речевой реализации. Проблематика данного раздела включает такие вопросы, как стилистический аспект значения ФЕ, способы введения ФЕ в контекст и др.

3. **Фразеологическая этимология** – раздел, посвященный изучению происхождения ФЕ и ее историко-семантическому анализу.

4. **Сравнительная (сопоставительная) фразеология** – раздел, посвященный сопоставительному или сопоставительно-типологическому изучению фразеологии двух и более языков с целью выявления

существующих между ними сходств и различий. Это один из самых перспективных и быстро развивающихся разделов фразеологии. Ее проблематика постоянно расширяется и становится объектом сопоставления.

5. **Историческая фразеология** в узком смысле определяется как раздел фразеологической науки, изучающий какое-либо прошлое состояние фразеологической системы языка. Историческая фразеология является одновременно диахронической и сопоставительно- диахронической.

6. **Паремиология** – раздел, объектом изучения которого является структурно- семантический тип устойчивых сочетаний слов, называемых пословицами или поговорками.

7. **Фразеография** – теория и практика составления фразеологических словарей. Внутри фразеографии выделяют паремиографию, изучающую теорию и практику составления паремиологических словарей [Назарян, 1987: 19-23].

Однако авторы зачастую упоминают в своих работах труды В. В. Виноградова, посвященные русской фразеологии датированные 1946-1947 гг. Н. Н. Амосова так отзывается о работе ученого: «Концепция В.В. Виноградова представляет собой особую ступень в развитии теорий о «неразложимых сочетаниях», и основным их значением является то, что благодаря ей фразеологизмы получили более обоснованное определение в качестве лексических комплексов с особым семантическим своеобразием» [Амосова, 2013: 5].

Рассмотрим следующую классификацию ФЕ по В.В. Виноградову:

1. Идиомы, или фразеологические сращения (выступают эквивалентом слову);
2. Фразеологические единства (целостное значение, возникающее из слияния значений лексических компонентов);
3. Фразеологические сочетания (один из компонентов имеет фразеологически связанное значение) [Виноградов, 1977: 140-161].

Н.М. Шанский добавил еще один тип фразеологических единиц к существующим трем по В.В. Виноградову – фразеологические выражения – определяющиеся как обороты, устойчивые в своем составе и употреблении, состоящие из слов с достаточно свободной семантикой [Шанский, 2012: 101-102].

Н.Н. Амосова определяет два типа фразеологических единиц – фраземы и идиомы. Автор дает следующее определение фраземы: «Единицу постоянного контекста, в которой значение семантически реализованного слова является фразеологически связанным, называется фразема. Фраземы могут иметь различное строение и различные морфологические составляющие формирующего их контекста [Амосова, 2013: 59].

В качестве ФЕ выделяет фраземы Н.Ф. Алефиренко, исследователь определяет фразему как: «Единицу фразеологии, выступающую устойчивым сочетанием слов с целостным и переносно-образным значением, непосредственно не вытекающим из суммы значений его лексических компонентов [Алефиренко, 2004: 251].

Современные исследования указывают на эквивалентность слова и ФЕ. Однако, если ранее авторы выделяли относительный, ограниченный, односторонний характер этой эквивалентности, то многие из авторов, исследовавших фразеологию подхватили эту идею, абсолютизировали ее, не углубляясь в детали этого сопоставления. Среди работ по фразеологии исследование М. Н. Никифорова (на материале английского языка) раскрывает сопоставление фразеологизма и слова; в работе П.П. Калинина сравнивается фразеологизм и часть речи.

На наш взгляд ФЕ свойственно диалектическое единство противоположных черт. Семантическая спаянность членов фразеологизма сближается со словом своей воспроизводимостью в готовом виде, способностью к переосмыслению и к использованию в качестве словообразовательной базы. Со словообразованием ее роднит раздельнооформленность, дистантная структура некоторых типов,

возможность структурных вариантов. Полная лексико-синтаксическая эквивалентность фразеологической единицы той или иной части речи имеется тогда, когда эта единица обладает общим лексико-грамматическим значением, характерным для данной части речи, и по своим синтаксическим функциям ей соответствует. Только «лексическая эквивалентность имеется в случаях отклонения фразеологизма от синтаксического употребления, характерного для той части речи, с которой ее сближает однородность лексико-грамматического значения [см. Карасева, 2007].

Таким образом, фразеологическая система языка характеризуется своей сложностью и противоречивостью – свойствами, обуславливающими сущность фразеологизма как диалектического единства системного и асистемного. Эти свойства находят свое яркое отражение в асимметричности ФЕ, так как ни в одной области языка так отчетливо не проявляется асимметрия языкового знака, как во фразеологии, что, несомненно, связано с более сложной лексико-грамматической и семантической структурой ее объекта.

Классификация фразеологических единиц должна быть построена таким образом и с такой целью, чтобы показать соотношение общих и дифференциальных признаков всех единиц, составляющих фразеологический фонд языка и в схематизированной форме представить его общую специфику.

Для построения типологической классификации фразеологического фонда важно установить, какие из этих признаков являются ведущими, а какие могут служить лишь в качестве дополнительных данных, обогащающих, но не определяющих аналитическую характеристику фразеологических единиц как таковых.

В основе подразделения фразеологического материала языка на основные типы лежат следующие признаки: 1) наиболее непосредственно связанные с основной качественной особенностью фразеологических единиц в качестве единиц постоянного контекста и 2) характерные именно для ФЕ

как таковых и не являющиеся общими как для фразеологического фонда, так и для словарного состава языка и для переменных речевых произведений [Амосова, 2013: 181].

Идиоматические фразеологические выражения – одна из самых специфических сторон языка (слово «идиома» происходит от греческого корня, который значит «особенный»), так как именно символическое значение, благодаря его устойчивости, воспроизводимости и национально-культурной специфики, закреплено во фразеологических идиомах. «В идиоматике языка, то есть в том слое, который, по определению национально специфичен, хранится система ценностей, общественная мораль, отношение к миру, к людям, к другим народам. Фразеологизмы, пословицы, поговорки наиболее наглядно демонстрируют и образ жизни, и географическое положение, и историю, и традиции той или иной общности, объединенной одной культурой» [Тер-минасова, 2000: 80]. Итак, с одной стороны, во фразеологических выражениях сохраняются некоторые архаические грамматические черты. С другой стороны, фразеология представляет собой вечно обновляющийся, подвижный участок лексики. Здесь продолжаются живые тенденции языка, развиваются и закрепляются в области синтаксиса, семантики, отбора слов. Таким образом, фразеологические выражения характеризуются своим лексическим составом, а также синтаксической структурой. Для сравнения с русским языком наибольший интерес у нас вызывают синтаксические модели французских и английских ФЕ, частотность употребления которых снижена.

Характерную особенность французской фразеологии составляют выражения, состоящие из «глагола и прилагательного объектного местоимения». В первую очередь это местоимение указывало на какой-то «конкретный предмет». С течением времени первоначальная связь местоимения с его смысловым источником стерлась, и теперь во многих случаях трудно определить, какое дополнение имелось когда-то в виду [Гак, 2006: 248-249].

Так же как при переносном использовании, во фразеологии употребляются преимущественно «слова, обозначающие наиболее распространенные, близкие человеку понятия». Но здесь есть различия во фразеологии различных языков. Так во французском языке гораздо чаще, чем в русском языке, в качестве «семантических стержней» используются существительные, обозначающие часть тела, прилагательные, обозначающие цвет» и т. д. [Гак, 2006: 251]. Однако в русском языке больше встречается фразеологических выражений с глаголами движения и положения в пространстве, а также с прилагательными, характеризующими слуховые ощущения.

Фразеология связана с множеством наук, такими как: общее языкознание, лингвистика текста, фонетика и история языка, семантика, лексикология и грамматика, а также стилистика и этимология. С лингвокультурологическим аспектом исследования связана возможность выделения во фразеологических единицах национально-культурного фона, являющегося хранилищем и источником информации о национальной культуре, так как ФЕ отражают опыт деятельности нации и, более того, специфику ее лингвокреативного «ассоциативного мышления».

Этнометодологическая направленность исследований речевой деятельности человека в ряде смежных наук (лингвистике, семиотике, психологии, социологии, культурологии) опирается на ключевое определение языка как выражение этнической и социальной определенности народа, говорящего на данном языке. Ввиду того, что фразеологизмы состоят из слов, а данные единицы являются главным объектом изучения лексикологии, следовательно научные данные исследований в этой области дают почву для определения природы компонентов фразеологизмов и их различные степени «словесности». Выявление семантической специфики ФЕ и выделение типов значений в сфере фразеологии возможно только в материале разработанной в семантике теории лексического значения.

Морфология позволяет установить утраченное и сохраненное в составе ФЕ слово. Во фразеологии находят обороты различных типов структур, не редко со структурой словосочетания и предложения. Грамматическая структура, синтаксические данные и функция оборотов необычайно важны для выявления грамматической специфики ФЕ. Значимость потенциала стилистики фразеологизма обусловлена высоким удельным весом коннотативного аспекта в их значении. Фразео-стилистика опирается на опыт лексической, исследуя возможности ФЕ, приемы ФЕ.

Перевод исследования в идиоэтническое пространство обусловил появление новой парадигмы в разработке данной проблематики – область знания, отражающего миропонимание народа (как синтез мировидения и мировоззрения) через систему установок, стереотипов, эталонов и т.п., образующих «язык культуры», и язык (в том числе его фразеологический состав), через который происходит взаимодействие культурно значимой информации и ее символического отображения.

В настоящее время узколексический взгляд на проблему сменился изучением мира образов, отраженных в плане содержания ФЕ, и их соотношения с типичными ситуациями для этноса. В результате выделяются два объекта в маркировании национально-культурной специфики ФЕ – лексико-грамматический состав и модель образно-мотивированной внутренней формы. ФЕ как устойчивое сочетание несет в себе культурно значимый смысл, выражаемый через особый категориальный компонент значения – культурную коннотацию, понимаемую исследователями как особый тип знания, возникающий в ходе культурной интерпретации – процедуры опосредования макрокомпонентов значения ФЕ в семантическом пространстве категорий культуры, которые представлены как область знания в «ментальности» носителя языка [см. Ковшова, 1996]. Однако возможности исследования механизма взаимодействия культурной и языковой семантики посредством числового кода, описания процессов культурного маркирования ФЕ, изучения и экспликации когнитивно-операциональных процедур,

совершаемых говорящих и слушающим в процессе общения, не до конца разработаны учеными лингвистами и открывают широкий путь для исследования. Поэтому фразеологизмы, содержащие в своей семантике универсальную или национально-культурную особенность, выраженную внедрением компонента «числительное» во французском, английском и русском языках представляют для нас особую важность. Этому посвящен следующий параграф.

1.2. Теоретические предпосылки исследования числительных и числовых компонентов на базе сопоставляемых языков

Исследование фразеологизмов в русле лингво-культурологического подхода позволяют утверждать, что в собственно языковое значение фразеологизмов оказывается тесно «вплетенной» культурная семантика [Ковшова, 2008: 60].

Особого изучения требуют фразеологизмы, в компонентном составе которых содержатся слова – символы. Предполагается, что эти фразеологизмы, сохраняя свою языковую функцию и языковое значение, развивают в семантике символичный компонент, т. е. передают культурную идею с присущим ей ценностным содержанием.

Что понимается под символическим компонентом в семантике фразеологизмов? Как символы осуществляют «память культуры о себе» [Лотман, 1999: 148]?

Все существующее в мире приобретает в процессе освоения и познания семиотический смысл, который возникает из небуквальных смыслов вещей. Мир становится вторичным, так как освобождается от своей материальной природы. Иными словами, объекты материального мира, став символами, приобретают знаковую природу идеального. «Готовое» тело (объект, лицо, ситуация) используется в новых смыслах и функциях; «такое использование

предполагает как бы определенную «идеализацию» объекта, его «трансляцию» из мира материального в мир идеальный [Кубрякова, 2005: 96].

По мысли Э. Кассирера, человек – существо символическое; он живет в символической Вселенной, части которой – язык, миф, искусство, религия – сплетают символическую сеть, сложную ткань человеческого опыта [Cassirer, 1995: 43].

В нашем представлении символ – итог смыслового развития знака в культуре; сущность символа состоит не только в обозначении, сколько в символическом отношении к реальности, в преодолении смысловой определенности знака. В формы символизации включен и естественный язык, который является оптимальным средством выражения символьных (символических) значений.

«Язык культуры <...> пользуется естественным языком, поэтому слова и другие единицы естественного языка приобретают в нем дополнительную, культурную семантику <...> слова обыденного языка получают в языке культуры особые символические значения <...>» [Толстой, 1993: 163-164].

Особая роль в процессе оязыковления символа принадлежит фразеологизму как знаку вторичной семиотизации, освобожденному от своего первичного значения, которое вычитывается из буквального значения составляющих его слов-компонентов.

Изучение символа во фразеологии ведется начиная с описания жестовых фразеологизмов; символы исследуются в их соотношении с денотатами. Символы нужно воспринимать, «отрешаясь по возможности от их общеязыковых значений, которыми они обладают как знаки первого уровня» [Гудков, 2004: 41]. В. Г. Гак неоднократно обращался к теме символа во фразеологии; так, в одной из работ им отмечается, что «эти значения сохраняются в ряде ФЕ» [Гак, 1999: 260-265].

Лингвокультурологическое направление изучает символы как культурно значимые смыслы фразеологического знака. Символы культуры

представляют собой знаковые постоянные, в структуре которых предметный образ и глубинный смысл находятся в тесной взаимосвязи. Человек в процессе деятельности открывает для себя предмет – в процессе символизации мира проходит открытие человеком знака; «объект вдруг начинает указывать человеку на что-то еще, находящееся выше или вне его бытия» [Иванов, 2002: 111]. Реалия как элемент культуры приобретает особый смысл и начинает служить знаковым заместителем этого смысла, т.е. символом. Функцией символа награждается и имя реалии.

Включение во ФЕ в качестве компонента «имени числительного», имя-символ инкорпорирует свои смыслы в семантику фразеологизма, создает культурную коннотацию, обуславливая особую роль фразеологизма – воплощать в себе символическое значение. О символическости должны свидетельствовать факты культуры: ритуалы, обряды, обычаи, поверья, приметы, предписания культуры, фольклорные, библейские литературные тексты, в которых устойчивое значение той или иной реалии получило свое глубокое отражение.

Учения о числах присущи цивилизациям человеческого общества. Они отражают характер, традиции и обычаи конкретного народа. В числах находит выражение специфика национального менталитета. Нумерология тесно связана с историей и культурой этноса, с его фольклором и религиозно-фантастическими представлениями. Лингвисты также отдают предпочтение изучению чисел в языкознании.

Имя числительное – это часть речи, характеризующаяся обозначением отвлеченных чисел или количества предметов и их порядка по счету (семантический признак). Ей присущи полное отсутствие категорий рода и числа, особые формы словообразования и склонения (морфологический признак) и способность сочетаться в качестве количественного определителя с именами существительными, образуя с ними словосочетания, характеризующиеся как синтаксически неразложимые. Синтаксический

признак функционирует как единый член предложения и неспособен определяться именами прилагательными [Розенталь; Теленкова, 1985: 171].

Во многих языках (французском, латинском, английском, греческом, немецком и др.) формы падежа, числа и рода числительных стерты, даже не определяясь прилагательными. Другими словами, имя числительное представляет собой специфическую категорию количественных слов, лишенных морфологических примет и существительного, и прилагательного, не имеющих морфологического многообразия, выступающих определителями членов предметных словосочетаний.

Синтаксически числительные ограничены связью с предметными именами, выражающими счет и количество в числовых границах множества. Специфичность числительных заключается в том, что они не соответствуют ни одному действию, предмету или качеству, но абстрактно выражают счет [Реформатский, 1987: 188; Виноградов, 1977: 233]. Следовательно, имена числительные являются так называемыми своеобразными определяющими словами в разноструктурных языках, выступая в качестве абстрактно выраженного показателя в цифрах числа однотипных предметов.

В связи с тем, что числительные относятся к лексико-грамматической категории языка, необходимо рассмотреть данную часть речи на базе изучаемых языков с точки зрения характеристик грамматических, синтаксических и лексических.

Итак, во французской теоритической грамматике В.Г. Гака (2004) выдвигались пять основных точек зрения на числительное как на часть речи:

1. Числительные выделяются как особая часть речи, включающая и количественные и порядковые (Е.А. Реферовская, А.К. Васильева)
2. Количественные числительные выделяются в особую часть речи, тогда как порядковые относятся к прилагательным (О.И. Богомолова)
3. Все числительные – количественные и порядковые – включаются в разряд прилагательных, точнее, в группу детерминативов существительного наряду с местоименными прилагательными (Вагнер-Пеншон, Larousse).

4. Количественные числительные относятся к детерминативам, порядковые – к прилагательным (Рижель и др.).

5. Ввиду отсутствия общих грамматических признаков у количественных слов числительные и их производные рассматриваются только как семантическая группировка слов (Дамурет, Пишон, Боннар) [Гак, 2004: 230].

Часть речи во французском языке выделяется на основании трех признаков: семантического, морфологического, синтаксического. Их взаимоотношение наглядно проявляется в сфере числительных. Количественные и порядковые числительные объединяются общим значением числа. Но их грамматические признаки различны. Порядковые ничем, кроме значения, не отличаются от прилагательных, они совмещаются с детерминативами: *faire ses premier pas, enfant d'un premier mariage, la premiere guerre mondiale*. Поэтому их нужно считать прилагательными, внутри которых они могут трактоваться как особый семантический разряд. Иначе ведут себя количественные числительные. Они могут заменять детерминативы, отличаясь этим от прилагательных (*deux hommes*), но могут употребляться и с детерминативами (*mes deux frere*). Они могут быть в позиции существительного, но не требуют при этом артикля: *deux et deux font quatre*. Со своим синтаксическим (дистрибутивным) и морфологическим признакам количественные числительные не похожи ни на детерминативы, ни на прилагательные, ни на существительные и должны быть выделены в особую часть речи [Гак, 2004: 230].

Общим значением числительных является представление о конкретном числе. Отвлеченное или неопределенное количество выражается существительными (*quantité, multitude*), прилагательными (*nombreux*), детерминативами (*plusieurs*), наречиями (*beaucoup, peu, assez*). Иногда числительное претерпевает семантический сдвиг и выражает неопределенное количество или интенсивность. Это проявляется во фразеологизмах и касается числительных: **2 «deux»** (*dire deux mots a qn*), **3 «trois»** (*un trois fois*

rien), **4** «*quatre*» (*a quatre pas*), **7, 20, 36** (*faire voir trente-six chandelles*), **100** (*cent fois pire*), **1000** (*souffrir mille morts*). Два числительных, соединенных союзом *ou*, показывают неопределенное небольшое количество: *Il y a trouvé cinq ou six personnes* [Гак, 2004, 231].

Морфологические особенности числительных французского языка представлены отсутствием изменения в роде (кроме *un, une*) и в числе. Только *vingt* и *cent* принимают *-s* в некоторых случаях: *quatre-vingts pages*, но *quatre-vingt-deux page* или *page quatre-vingt*. Различаются числительные простые и сложные. К простым относятся: 1-16, 20, 30, 40, 50, 60, 100 и 1000. Сложные образуются согласно правилу: меньшее число, стоящее слева, выступает как множитель, справа – как слагаемое: *quatre-vingts* (80) ; *vingt-quatre* (24); *vingt mille* (20 000); *mille vingt* (1020).

Числительные совмещают отдельные признаки и функции разных частей речи, что является их основной синтаксической особенностью. Подобно существительным они выступают в функциях: подлежащего и дополнения (*deux et trois font cinq*), предикатива (*nous sommes trois*), обстоятельства и определения с предлогом (*travailler à quatre, règle de trois*), могут подчинять себе другое существительное с детерминативом: *un (quatre) de mes amis* (ср.: *un groupe de mes amis*).

Подобно детерминативам они могут самостоятельно актуализировать существительное: *deux grandes maisons* (как *ces\les grandes maisons*). Числительное без артикля имеет значение неопределенного детерминатива: *Il a trois sœurs – il en a trois*.

Подобно прилагательным они могут сочетаться с детерминативами: *les deux livres, ces trois maisons, mes deux amis*.

Подобно количественному наречию числительные могут подчинять существительному: *quatre de mes amis* (ср.: *beaucoup de mes amis*) [Гак, 2004: 231].

Кроме того, числительные во французском языке могут сочетаться с местоимениями: *vous deux* (ср.: *vous tous*), в просторечных оборотах типа:

nous deus mon frère – мы с братом. Они свободно образуют отдельное предложение, например, при счете: *un, deux, trois*. Характерной их функцией является утончение субстанции в предложениях: *Ils sont venus tous les trois*.

Обозначение количества составляет первичную функцию количественных числительных. Их вторичной функцией является их использование вместо порядковых: *page cinq, le dix janvier, l'an mil neuf cent soixante-dix-huit* [Гак, 2004, 232].

В своей работе «Английская грамматика: ключ к пониманию», Т.К. Цветкова дает следующую классификацию английских числительных: «Английские числительные делятся на количественные и порядковые. Порядковые – образуются от соответствующих количественных с помощью суффикса *-th*. Исключения: *first, second, third*» [Цветкова, 2012: 160].

Общепризнанным разрядом являются количественные числительные. По структуре числительные делятся на 1) простые: *one, first, seven, dozen* и т. д. 2) производные: а) количественные с суффиксом *-teen*: *thirteen, sixteen, nineteen*. б) количественные числительные с суффиксом *-ty*: *twenty, seventy, ninety* в) порядковые числительные с суффиксом *-th*. 3) сложные: *forty-seven*.

Количественные числительные выражают точное число предметов, сочетающееся с существительным: *two books*. Кроме того, количественное значение отражает свойства равноценных, а порядковое – неравноценных множеств [см. Панфилов, 1977].

Количественная определенность не зависит от числа предметов, в отличие от количественных числительных. В то время как семантика порядковых числительных определяется выражением порядка подлежащих счету предметов, где содержатся семы: «порядок и «единичность» счета.

Сложные числительные, состоящие из десятков и единиц, пишутся через дефис: *fifty-five, ninety-seven*. После сотен в трехзначных именах числительных ставится союз *and*: *five hundred and two*.

Слова «*dozen*», «*hundred*», «*thousand*» и «*million*» имеют двойственную природу, так как они могут быть в качестве и числительных, и

существительных. Функционируя как числительные, а именно не образуя формы множественного числа (если при них имеется определение), выражают количество: *several million copies – seven thousand trees*.

Их считают существительными, частично числительными, частично существительными, причем каждое из них имеет различную степень принадлежности к этим указанным частям речи, прилагательными и собирательными существительными, квази-существительными и числительными. Семный анализ толкований этих слов показывает, что, как и имя числительное, данные слова несут в себе следующие значения количества: 1) конкретно-точное число; 2) приблизительно- конкретное число 3) неопределенно- большое число (с дополнительной семой гиперболизации). Конкретно-точное значение ослабевает при употреблении их с неопределенным артиклем (*a hundred plates*). Данная группа слов может позиционироваться как собирательные существительные со значением конкретного числа (*сто, тысяча*), но выступающие в качестве опредмеченных единиц счета, своего рода мер. Таким образом, эти слова являются собой субстантивированные числительные. Они имеют значение конкретного числа, но выражают единичность "спаянной совокупности", которая и подлежит счету [<http://www.grammar.ru>].

При отсутствии такового вышеперечисленные слова необходимо употреблять только во множественном числе (как существительные), с последующей фразой с предлогом «*of*»: *hundreds of people, million of years*.

Еще один признак существительного – это способность данных слов употребляться с артиклем в единственном числе: *a dozen eggs, a hundred and twenty pounds* [Цветкова, 2012: 161-162].

На парадигматическом уровне порядковые и количественные числительные семантически однозначны: первые определяют место в данном количественном ряду, вторые - суммарное количество. В контексте их различия только увеличиваются. Порядковые числительные приобретают признаки качественности, тогда как количественные реализуют точное и

неточное число. Таким образом, вместе с существительным, на морфологическую форму определяемого порядковое числительное не влияет, напротив, количественные - конкретизируют множественность, выраженную моделью существительного [Швачко, 1981: 27].

Порядковые числительные не все соотносятся с наименованиями чисел натурального ряда лексически, об этом говорит графический образ слов. Так слово «*первый*» в славянизмах, восходящее к индо-европейскому языку, дает значение «*передний, прежний*», а английское «*first*», в англосаксонском «*fyrst*» переводится как «ранее других, передний». «*Второй*» у славянских предков восходит к древнеиндийскому «*vitaras, vitaram*» в значении «*ведущий дальше, дальше*» [Швачко, 1981: 28].

Как в русском, так и во французском и английском языках термин «имя числительное» традиционно употребляется для названия слов, имеющих количественное и счетно-порядковое значения. В современном русском языке, если говорить подробнее, грамматическую категорию имен числительных, или счетным слов, образуют слова, являющиеся отвлеченными обозначениями чисел, количества и счета.

В языкознании русского языка существуют разные мнения относительно того, обладает ли предметностью русское числительное. А.А. Реформатский пишет, что в «русском языке такие части речи, как числительное, местоимения и междометие, не относятся к именам, поскольку они имеют совершенно иную характеристику и не обладают предметностью» [Реформатский, 1996: 171-172].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что по значению все числительные делятся на количественные, порядковые, неопределенно-количественные, собирательные.

Количественные числительные обозначают определенное, точное количество предметов (*четыре стороны, seven metres, cent voitures* и др.). Неопределенно-количественные числительные обозначают неопределенное количество предметов (лиц) или вещества, ср. : **много, немного, мало** (много

столов, долгов, дорог и т. д.). Числительные, указывающие порядок предметов при их счете, называются порядковыми, к примеру: *premier, second, le septième*. Собирательными являются числительные в русском языкознании, которые называют количество единиц, образующих совокупность предметов: *двое, трое, пятеро* и др. [Волина, 2001: 11].

Концепт, обозначающий бесконечные взаимоотношения между языком – мыслями – бытием – познанием, является одним из особенных многогранных познавательных явлений в языке. В настоящее время в лингвистических науках в связи с повышением интереса к роли культурной личности все большее внимание уделяется анализу концептов, несущих в себе опыт предшествующих поколений, культуры и менталитета всего народа. Таковым в нашем исследовании является концепт «число».

Концепт по своей генетической и типологической структуре встречается практически во всех языках. Концепт – это динамическая структура, которая с логической точки зрения изображает опыт существования человечества, разносторонне развивается и адаптируется к изменениям. На основе концепта национальное познавательное древнее и новое значение слов мотивируются и формируются как наименования. Поэтому сущность (основу значения) мотивации необходимо искать именно в концептах. Внутренняя значимая структура слова взаимосвязана с внешней формой этого слова. «Для внутренней структуры данного слова он является ядром основного значения во всех словоупотреблениях, а для внешней структуры он служит образцом всех значимых его показателей [Хайдеггер, 2003:203].

Концепт является общим понятием для всех значений слова. М. Хайдеггер писал, что «отличительность бытийного вопроса вполне выйдет на свет однако только тогда, когда он будет удовлетворительно очерчен в плане его функции, цели и мотивов. ... Всякое толкование основано в понимании. Расчлененное в толковании как таковое и вообще

предназначенное в понимании как членимое есть смысл. ... Значимое целое понятности берет слово. К значениям прирастают слова. «... Феноменологически описать «мир» будет значить «выявить и концептуально- категориально фиксировать бытие наличного внутри мира сущего». Сущее внутри мира – это вещи, природные вещи и «ценностно нагруженные вещи... Подобное «средство мы находим в знаке. Этим словом именуется многое: не только разные виды знаков, но бытие-знаком для ... само может быть формализовано до некоего рода универсального типа соотнесенности, так что знаковая структура сама подает онтологическую путеводную нить для «характеристики» всего сущего вообще. Концепт – семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Отражая этническое мировоззрение, концепт маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства «дома бытия» [Хайдеггер, 1997: 83-85, 97].

По словам В. Н. Телии: «Концепт – это продукт человеческой мысли и явление идеальное, присущее человеческому сознанию вообще, а не только языковому. Концепт – это конструкт, он не воссоздается, а «реконструируется» через свое языковое выражение и внеязыковое знание» [Телия, 1996: 187]. Таким образом, мы определяем концепт как не только значение, вобравшее в себя систему знаний в познавательном мире, но и языковое явление, сохранившее национальный колорит сложной познавательной мысли в языке. Познавательная природа и значение слова языка достаточно сложные явления. Познавательная сущность значений слов в языке сосредоточена в подтексте концепта. Концепт используется для обозначения обобщенной мыслительной единицы и функционирует в качестве средства общения в языке на основании преемственности слова и понятия, слова и значения, внутренней и внешней формы слова и т.д. в подтверждение данной мысли Л. Жаналина говорит, что «... мыслительная

картинка – концепт, который содержит не только понятие, но и детальный образ обозначаемого» [Жаналина, 2006: 91].

Мышление – наивысшая форма изображения окружающего мира в сознании. Исходная форма мышления – понятие. Понятие – образ предметов и явлений в сознании. Своеобразные особенности, познание, самосознание, миропонимание, сущность, национальный менталитет и т.д. каждой нации, её культуру и миропознание можно познать посредством языка. Пути развития языка и мышления, связи между бытием и языком по представления сознания и познания человека четко проявляются во внутреннем содержании концептов. В. А. Маслова утверждает, что передать культуру и информацию на основе номинативных единиц языка можно следующими четырьмя способами: «культурные семы», «культурное поле», «культурные концепты», «культурная номинация». Ученый, утверждая, что ядром культурного концепта является не только личная языковая форма, а также языковые единицы, признающиеся основой экзистенциального значительного пространственного образа в окружающей среде, к основному концепту культуры относит такие абстрактные наименования как честь, судьба, грех, закон, свобода и т.д. [Маслова, 2001: 51].

Концепт – это общая единица культуры и познания. Благодаря видению механизмов образования новых значений слов, можно будет также осознать внутренние механизмы культуры и познания. Проведя анализ сформированных в языке концептов, можно проследить своеобразные особенности национально-культурного познания. Национальная специфика концептов проявляется в наличии в одноименных концептах в разных национальных культурах, а также наличии концептов, характерных только для одной культуры. Образно-символический концепт – знаковое проявление конкретного понятия. В современном языкознании исследуются познавательные свойства когнитивной лингвистики во взаимосвязи с языковыми средствами. «В процессе метафоризации в рамках когнитивного направления, основанной на сходстве с явлениями и ситуациями

окружающей (...) действительности образуются другие наименования или концепты. Наименования, образованные с помощью метафор, тесно связаны с концептуальной системой потребителя языка, поскольку на основе определенных сформированных понятий об окружающем мире образуются различные понятия и наименования в ассоциативном образном мышлении.

В соответствии с законом языковой экономии в последнее время новые словообразования создаются с использованием семантического поля имеющегося уже в языке. Поэтому при анализе словообразовательной значимости метафоры языковые единицы рассматриваются в когнитивном аспекте». Благодаря концепту, семантическое значение отдельных национально-культурно-познавательных наименований, а также особенности материально-духовных явлений можно рассматривать как ключ познания.

Концепт – это языковое явление, отражающее особенности мира культуры и познания. Главным объектом когнитивной лингвистики является изучение лексем, отражающих особенности, понятия и представления, самосознание, кругозор, бытие и сущность каждой нации, в качестве «культурных концептов». В связи с этим появляется необходимость познания языковых моделей, передающих языковые базовые духовные ценности и материальную культуру, в качестве концепта, поскольку под языковыми моделями понимается логическая модель мышления. В логических моделях сосредоточены конкретные и абстрактные понятия и представления. Посредством языка можно познать своеобразные особенности, самосознание, миропонимание, бытие и сущность, национальный менталитет и др., культурное бытие и познавательный мир каждой нации. Пути развития языка и мышления, связи между бытием и языком по представлению сознания и понимания человека четко проявляются во внутреннем содержании концептов.

Таким образом историческое концептуальное изучение имен числительных представляет огромный интерес, ввиду появления и развития

данной самостоятельной части речи совместно с развитием человеческого общества, с дилатацией познания человеком окружающего мира, с развитием отвлеченного мышления и возникновением числовых представлений.

Однако, необходимо четко разграничить понятия числа и числительного, потому как не все слова с количественным значением обозначают количество и представляют собой «имя числительное» (т.е. часть речи). Основными признаками, определяющими «Имя числительное» по мнению А.А. Реформатский является отсутствие: 1) множественного числа; 2) дериватов-числительных (таких слов в русском языке как тройка, трешница, трояк); 3) рода (а тем самым в аналитических языках и сопровождающего артикля); 4) определяющих типа прилагательных (*круглое семь*); 5) сочетаемости с числительными; 6) субстантивной синонимии [см. Реформатский, 1996].

Основная цель количественной атрибуции – это помещение предмета в числовой ряд и определение места в этом ряду. К примеру, «*считать до девяти, семь столов, второй человек*» - в данном случае числительное представлено в главном значении, указывая на конкретное количество. Однако в составе устойчивых сочетаний (в нашем случае ФЕ) числовой элемент может наделяться вторичной семантикой, сравните: фр. *entre deux feux* «меж двух огней, находится в опасности», англ. *at the eleventh hour* «в последний момент, в последнюю минуту», рус. *в двух шагах* «близко», *семь потов сошло* «затрачено много усилий кем-либо для выполнения, осуществления чего-либо». Таким образом, в процессах семантической деривации на материале числительных отражены наивные представления человека о процедуре счета, т.е. кто и что считает, «много» и «мало» по отношению к счетным предметам и т.д. [Челнокова, 2006: 79].

Балансируя между двумя противоположными сторонами денотативной отнесенности, числительные представляют собой связь с конкретными объектами счета, обеспечивая его конкретностью и однозначностью, но с

другой стороны, символические смыслы, воспринимающие число в качестве нагруженного знака, не привязаны к конкретному количественному значению. Это и есть смешение логико-математического и наивного осмысления счета. Данный процесс в целом свойственен всем носителям языка, в связи с этим многие значения-символы у числительных совпадают в картинах мира различных языковых культур.

Распространены следующие два вида картины мира – это концептуальная и языковая. В общем, термин «картина мира» возник в рамках физики на рубеже XIX–XX веков и определялся как мировидение каждого народа, складывающееся в общую «картину». И если у разных людей концептуальные картины мира одинаковы, то языковая отражает самобытную, национальную картину мира, проявляющуюся в языковых единицах разных уровней.

Свойство номинации реального и мыслимого, виртуального присуще человеку как существу разумному. По определению В. Г. Гака: «Номинация есть процесс и результат наименования, при котором языковые элементы соотносятся с обозначаемыми ими объектами [Гак, 1977: 237]. Согласно дефиниции В. Н. Телии, «номинация [от лат. nomination – (на) именование] – образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т.е. служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений [Телия, 1990: 336].

Выбирая для номинации означающее, человек использовал как переменные словосочетания, так и устойчивые, закрепившиеся в языковом сознании обороты – фразеологизмы, в которых, благодаря творческому интеллектуальному потенциалу и языковой гибкости человека, имело место семантическое преобразование, определенный семантический сдвиг, поэтому выявление особенностей понятия числа вообще и в русской, и зарубежной культурах на материале фразеологизмов с элементом числительное, позволит

выйти на семантику числительных, их национально-культурные особенности и место в современном дискурсе.

1.3. Теория дискурса и его классификация в языкознании

Термин «дискурс» так давно закрепился в науке, что уже нет необходимости обосновывать законность его употребления. «Дискурсом называют понятия и термины возникающие в современной лингвистике. И хотя данное понятие имеет весьма неоднозначную интерпретацию, он занял свою нишу, получив собственную дефиницию, таким образом, возможности лингво-анализа были значительно расширены.

Традиционно, в языкознании дискурс соотносится с понятиями «речь», «речевая деятельность», «коммуникативная ситуация», «текст», «диалог» и «монолог», способствуя пониманию интерпретации дискурса с одной стороны, но с другой представляя идентичность этих явлений в качестве ложных.

Можно выделить несколько основных определений понятия «дискурс» в лингвистике. Словарь терминов в редакции Т.В. Жербило дает определение понятию как «интегративной совокупности текстов, семантически связанных отношениями и объединенных в коммуникативном и функционально-целевом отношениях» [СЛТ, 2004: 89]. Учитывая социальные лингво-аналитические признаки коммуникации Е. С. Кубрякова понимает «дискурс» как довольно сложное явление коммуникации, которое отражает зависимость включенных в процесс сотворения текста актов, а также наличия многих экстралингвистических обстоятельств, то есть мнения и знания мира, точные цели и установки реципиента как создателя текста. Словарь социологических терминов (ред. В.Ю. Михальченко) дает следующую трактовку: «Дискурс – логически выстроенный текст, который выстроен в совокупности с психологическим, культурным, прагматическим и социальным контекстом, отсутствие которого запрещает употребление

понятия дискурса» [ССТ, 2006: 213]. Связь и противопоставление языка речевой деятельности, речи и дискурса, где речь – это родовой термин, деятельность речи выступает в качестве процесса создания и понимания речи, характеризует дискурс как разновидность, дискурсивную речь, которая строится по грамматическим и стилистическим правилам языка.

Таким образом, интерпретация текста в синтезе языковых сущностей и феноменов является главной задачей современного языкознания, разрабатывающего модель в динамике, признавая процессуальную дискурсивную активность, тогда как текст является ее продуктом. В связи с этим отличительная особенность понятия – это разнообразные интерпретации дискурса, специфичность трактовки особенностей и параметров, обусловленная сложным статусом понятия по отношению к речевой деятельности (речи). Поэтому дискурс сопоставляется с речью, а в частности с текстом, что позволяет уточнить понятие дискурса, либо дифференцировать от близких ему терминов, а также определить научные подходы, трактующие дискурс как речь или текст и выделить его основные признаки. Обобщая данные определения дискурса, мы выделяем коммуникативно-речевой и структурно-текстовый подходы.

Коммуникативно-речевой подход раскрывает дискурс как коммуникативный процесс, соизмеримый с понятиями речь, коммуникативная ситуация, речевое действие. В данном случае речь здесь представляет собой «устную естественную речь» (противовес письменной) и сам «процесс речевой деятельности». Таким образом, речевое общение или процесс использования языка является эквивалентом дискурса.

Однако, нужно определить разницу между дискурсом и высказыванием. По Р. Якобсону, объем понятий различен: дискурс характеризуется совокупностью высказываний, в то время как само высказывание – это элемент дискурса. Сравнивая эти два понятия, Т. Б. Гуляр точно подметил различие между степенью реализации интенции и достижением коммуникативной цели, так как единичное попадание или

непопадание в цель присуще высказыванию, но дискурс предполагает изменение задачи, ее первоначально корректировки [Гуляр, 1993: 37].

На пути к выработке принципиально нового подхода, где предметом выступает не язык, но то, что «за ним стоял А.А. Леонтьев. В своей работе о теории речевой деятельности он определил основные направления и проблемы исследования. Автор определяет коммуникативную ситуацию как «реальный и мысленный объект – предмет обмена между активными участниками коммуникации, т.е. получателем и отправителем сообщения. Возможность наличия пассивных участников, лиц, взаимодействующих с активными участниками коммуникации, также возможна [Леонтьев, 1984: 82].

Второй подход определяет связь дискурса с «текстом», характеризуясь как связанная последовательность предложений. Дифференциация понятий берет начало в 70-80 гг. XX века. Однако текст определяется как формальная или абстрактная конструкция, а дискурс – как вид актуализации этого явления с точки зрения процессов когнитивной и экстралингвистики. Развитие лингвистики текста расширило понятие дискурса, трактуемого как «связный текст», «устно-разговорная форма текста», «группа высказываний», «диалог» и «речевое произведение (письменное и устное) [КСКТ, 1996: 469].

В дальнейшем, исследования лингвистики текста позволяют обозначить между понятиями «текст» и «дискурс» более четкие границы, где под дискурсом будет пониматься уровень выше предложения, а именно два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи.

Говоря об объеме данных понятий, необходимо выделить следующие варианты соотношений дискурса к тексту, когда он равен тексту и неравен, в связи с тем, что разработанность текстовых категорий не снимает вопрос о соотношении двух данных понятий.

Связный текст или совокупность текстов и дискурс интерпретируются как равнозначные понятия в работах Н.Д. Арутюновой, Р. Барта, В.А.

Тырыгиной, так Р. Барт подразумевает под дискурсом «любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемый со вторичными коммуникативными целями и имеющий соответствующую данным целям внутреннюю организацию, который связан с иными культурными факторами, в отличие от тех, что относятся непосредственно к языку» [Барт, 1978: 442-444]. Здесь дискурс трактуется формой социального поведения, служащая интерпретацией мира, соц-отношений и знания человека, сохраняя нормы и поведение социума.

Представление дискурса как сочетание экстралингвистических факторов и текста – вторая интерпретация понятия, где текст является фрагментом дискурса (элементарная единица) или одной из областей существования. Текст также трактуется в качестве результата жизнедеятельности дискурса, а он, в свою очередь, предстает процессом рецепции и текстопостроения (работы В. А. Звегинцева, Е.С. Кубряковой и др.). Таким образом, соотношение данных понятий уточняет, отмечая их зависимость друг от друга, определяя параметры дискурсионного анализа через процесс текстопостроения и дифференцирующие его признаки, например актуальность, прикрепленность ко времени, процессуальность, реализация в письменной или устной речи.

Следовательно, можно сделать вывод, что большая степень анализа структуры текста акцентируется на нем, как на важной его составляющей. Здесь главным является статус текста в дискурсе, так как первый занимает первое место, определяясь как «свернутый дискурс [Андреева, 2006: 6], так как дискурс, или «погруженная в жизнь речь», обоснованно можно представлять эквивалентом термина «речевая деятельность ввиду социокультурных, психологических, экстралингвистических факторов.

На вопрос классификации типов дискурса ученые не отвечают однозначно. Многогранность данного термина не позволяет дать четкую схему, так как ученые рассматривают дискурс с нескольких сторон, поэтому

они становятся не взаимоисключающими, но дополняющими друг друга. Этот вопрос разрабатывался В. И. Карасиком, В.Б. Кашкиным и др.

Так В. Б. Кашкин выделяет одним из признаков информационный канал передачи, выделяя письменный и устный дискурс. Эти два признака нашли отражение в гибридном типе дискурса, объединяющем оба типа [Кашкин, 2004: 21]. Автор выделяет также монологическую и диалогическую формы дискурса, а также полилог.

Т. С. Юсупова выделяет принципиально новый тип дискурса, основанный на способах общения через средства электронной коммуникации, предполагающий способ общения графически (соц. сети, мессенджеры, СМС и т. д.) [Юсупова, 2010].

Широкую классификацию дискурса описал В. И. Карасик. Автор выделял институциональный и персональный типы в качестве главных типов дискурса. Ученый раскрывает понятие бытийного дискурса, предпринимающей попытку раскрытия мира во всей красе он делится на прямой (два вида: смысловой прорыв и переход) и опосредованный (повествующий и описывающий идеи). В противоположность бытовому типу, характеризующемуся нарушениями структуры и логики высказываний, предполагающему решение ежедневных проблем, поддержку контакта людей друг с другом. В институциональном типе дискурса автор выделяет массово-информационный, спортивный, административный, педагогический и т.д., представляющий собой статусно-ролевые отношения, основанные на основных признаках – цели и участниках общения [см. Карасик, 2000].

Необходимо упомянуть классификацию по В.В. Красных, развивающую идею классификации по национальной принадлежности, а именно французский, русский, британский и др. дискурсы на основе результата и процесса речемыслительной деятельности [см. Красных, 2003]. Однако исследования П.В. Зернецкого раскрывает языковую типологию личности, использующую определенные способы дискурса,

квалифицирующиеся по величине и объему знаний о мире [см. Зернецкий, 1990].

Наконец, необходимо определить те свойства дискурса, которые принципиально отличают понятия текста и речи. *Динамичность* дискурса и его *процессуальность* – это характеристики, которые отличают текст от дискурса, причем динамичность раскрытия речи во времени и определение ее в пространстве среди коммуникантов. С точки зрения процессуальности дискурс был изучен через прерывность и непрерывность, длительность протекания, темпоральной и локальной дистанции собеседников.

Направленность на общение, т.е. установка говорящего на передачу конкретной информации и получение соответствующего отклика подразумевает свойство *коммуникативности* дискурса. Тактики и речевые стратегии, цели коммуникации и соответствующие им цели, письменный и устный, прямой и непрямой виды общения, характеризующиеся техническими, пространственными средствами, опосредованные временным отрезком или непосредственные – эти вопросы в риторике, теории речевого общения, когнитивной лингвистике разрабатывают ученые-исследователи коммуникативных свойств дискурса.

Такое свойство дискурса как *персонифицированность*, т.е. личный статус коммуникантов, связывается с понятием персональности, а именно отношения участников речевого акта с участниками действия. Данная категория – это важная составляющая, так как именно участники общения активно создают текст, ими задана ситуация коммуникации при формировании самого дискурса. В теории дискурса данному направлению отведен огромный пласт разработок. Учитывая личный статус участников общения, можно понять распределение коммуникативных ролей, исследовать зоны понимания или непонимания речи, проработать проблемы коммуникативных тактик и стратегий, оптимальных для данных участников беседы.

Признание познания мира, умножения знаний и доказательство их объективности, беспристрастность поиска истины и уважение истинных фактов, а так же высокая оценка точности терминологии и мыслительной ясности – вот ценности дискурса, научно доказанные в своих главных концептах. В.И. Карасик так объясняет границы научного дискурса: «... участниками являются представители науки, ...характерная особенность в том, что ни у кого нет монополии на истину, а глубина познания призвана критически относиться с своим и чужим высказываниям [Карасик, 2000: 12-14].

Формирование и протекание дискурса в его зависимости от социо-контекста определяет его *социальную и культурологическую заданность*. Цель исследования данного свойства направлена на выражение оценки мировоззрения коллективным сознанием конкретной общности лингвокультуры. По мнению Ю.С. Степанова, данное свойство имеет глобальное влияние на язык, отмечая особую роль идеологии, выражающую специфику ментальности народа, что влечет за собой активизацию таких черт языка, которые влияют в конечном итоге на лексику и грамматику, создавая особый «ментальный мир [Степанов, 1995: 38-39].

Речь зависит от условий ее протекания, что обусловлено ее *ситуативностью*. Оформление речи, ее содержание предопределяет вариацию способов и средств передачи информации в различных ситуациях коммуникации. Коммуникативная ситуация имеет широкое определение данного термина дается многими исследователями. Так А.В. Вдовиченко выделяет фреймы (знания о мире в общем или его части), данные и факты, которые связаны с ситуацией общения, речевые модели, включающие формы письменной и устной речи, особенности композиции и жанра, парадигму языка, характеристики речевого акта в паралингвистическом аспекте (почерк, темп речи, различные дефекты и др. и т.д. [Вдовиченко, 2001: 396].

Прагматичность или *коннотативность* дискурса рассматривает язык с точки зрения фоновых, эмоциональных, оценочных, паралингвистических,

экспрессивных образных характеристик смысла, которые выражаются в содержании речи с помощью языковых единиц, наслаивающихся на основное содержание. Здесь в формировании дискурса участвуют способ коммуникации, замысел и тематическое содержание, таким способом складывается прагматический контекст.

Структура дискурса - это вопрос о его связности, являющаяся основным и важнейшим признаком. Ученые-лингвисты, изучающие связи в тексте, учитывают разные параметры, направленность и характер высказываний. У истоков исследования текстовые связи трактовались аналогично с правилами связи в предложениях. На сегодняшний момент исследования рассматривают специфический характер структур. По аналогии с локальной или глобальной структурами самого дискурса описывают локальную и глобальную связность дискурса, где глобальная семантическая связность дана единством темы и названия, а локальная – отношениями среди самых минимальных единицах дискурса и его частей.

Следует отметить, что в коммуникативной лингвистике дискурс является одним из главных понятий, благодаря множеству лингвистических интерпретаций. Такие родовые понятия дискурса как диалог, речь и текст в литературе встречается чаще, предполагая собственную теорию изучения языка, языкового общения и идеологической ориентации.

Итак, понятие «дискурс» интерпретируется множеством концепций, выходя за его рамки, что предполагает его дальнейшее изучение. Подход, раскрывающий дискурс как культурный код наиболее перспективен, так как специфика инструментов интерпретации, заложенная в культурно-семиотической расшифровке дискурса, - это ключ к семантике дискурсивного смысла.

1.5. Выводы

В данной главе были изучены основные вопросы работы, проработана теоритическая база лингвистических источников, освещающих вопросы в исследовании числительных и числовых компонентов, теории фразеологии, семантики разноструктурных языков. Были сделаны следующие выводы:

1. Имя числительное является частью речи, характеризующейся обозначением отвлеченных чисел или количества предметов и их порядка по счету (семантический признак), почти полным отсутствием категорий рода и числа и особыми формами склонения и словообразования (морфологический признак) и способностью сочетаться в качестве количественного определителя только с именами существительными, образуя с ними синтаксически неразложимые словосочетания, функционирующие как единый член предложения, и неспособностью определяться именами прилагательными (синтаксический признак)

2. Числительные трех языков делятся на количественные и порядковые (а также в русской грамматической категории выделяются неопределенно- количественные и собирательные)

3. Число и числительное - два разных понятия, т.к. не все слова, обозначающие количество, являют собой имя числительное как часть речи.

4. Фразеология представляет собой раздел языкознания, изучающий источники сочетания слов. Фразеология связана со многими науками, и в первую очередь с дисциплинами лингвистики: общим языкознанием, семантикой, стилистикой, лексикологией, грамматикой, этимологией, фонетикой, историей языка, лингвистикой текста.

5. Фразеологическая семантика тесно соприкасается с лексической, тем не менее, ей свойственен ряд характерных особенностей, отраженные в сфере фразеологии, фразеологическое переосмысление, абстракция, внутренняя форма фразеологизмов, аспекты фразеологического значения.

6. Дискурс имеет множество концепций, выходя за свои рамки; выступая в качестве культурного кода, изучение дискурса наиболее

перспективно, в связи со спецификой инструментария интерпретации, заложена в культурно-семиотической расшифровке дискурса.

Глава II. Типологические особенности фразеологизмов с числительными сопоставляемых языков

2.1. Характерные особенности классификации фразеологизмов с числительными

С семасиологической точки зрения (о семасиология - теория номинации; один из двух разделов семантики, противопоставленный семасиологии по направлению исследования от вещи или явления к мысли об этой вещи, явлении и к их обозначению языковыми средствами [http://exp_linguist.academic.ru/796], семантико-грамматическая категоризация фразем позволяет осмыслить, под какую общую категорию подводится то или иное фразеологическое значение, и какие общие категории различны во фразеологической подсистеме языка. Проекция мира внешнего и внутреннего на язык опосредована или когнитивным, или образным мышлением, поэтому для удобства все фразеологические единицы разделяют на семантико-грамматические разряды [Алефиренко, 2009: 117].

Семантико-грамматические разряды фразем – совокупность однородных устойчивых сочетаний, объединенных однотипным комбинаторным взаимодействием лексической и грамматической сем своих фраземообразующих компонентов. Выделяют основные признаки:

1. Характер семной репрезентации объективной действительности в семантической структуре фразем;
2. Наличие или отсутствие у фраземообразующих компонентов грамматической категории и их морфологических парадигм;
3. Структурно-грамматическая модель фраземы;
4. Тип ее грамматической связи с другими элементами речевой цепи;
5. Синтаксические функции в предложении.

Данные признаки можно сгруппировать в семантико-грамматические разряды: субстантивные, адъективные, глагольные, адвербиальные и интеръективные [Алефиренко, 2009: 118].

Субстантивными называются фраземы обобщенной предметно-оценочной семантики, объективированной в грамматической категории рода, числа и падежа, выполняющие функции подлежащего, именного компонента составного сказуемого или дополнения. Если коннотативные семы не переходят в ядро их семантической структуры смысловых компонентов, то категориальное значение фразем определяется их грамматическим стержневым компонентом [Гак, 2004: 119].

Грамматическая форма числа в фраземах так же, как и в именах существительных, имеет самостоятельное грамматическое значение, принимает участие в процессе номинации определенных реалий объективной действительности. Для некоторых лингвистов это послужило основанием квалифицировать категорию числа не грамматически, а лексически [Гак, 2004: 123]: фр. *e n un mot* (одним словом), *en un tour de main* (в одно касание); англ. *fifth wheel* (пятая спица в колесе), *forty winks* (короткий послеобеденный сон); рус. *седьмая (десятая) вода на киселе*.

«Классическими» **адъективными** фраземами являются сочетания с качественным именем прилагательным в роли грамматического стержневого компонента, предопределяющего основные сематические и грамматические свойства фразем этой семантико-грамматической категории. Чаще такие фраземы употребляются без имени прилагательного (13%): фр. *ne faire qu'un avec* (одно целое), *le chateau à deux bosses* (двугорбый верблюд); англ. *as like as two peas* (похожи как две капли воды); рус. *как две капли* – «очень похож».

Многообразие структурно-грамматической организации адъективных фразеологизмов обуславливается широкими возможностями выражения атрибутивных отношений (И.А. Ионова). Средствами выражения атрибутивности могут служить некоторые фразеологизированные предложно-падежные и беспредложно-падежные формы имен существительных [Алефиренко, 2009: 130-132]: фр. *bilateral* (двусторонний); англ. *number one* (главный, самый важный), рус. *первой (высшей) марки*

(самый отъявленный (вор, мошенник), *из одного теста* (похожие), *из одного гнезда* (одинаковы, родственны).

Глагольными называют фраземы с обобщенной семантикой процессуально-оценочного признака, выражающегося грамматическими категориями вида, залога, наклонения, лица и времени. Значительная часть (40%) глагольных компонентов фразем в процессе фразеологизации утрачивает способность к видовому формообразованию: 1) фраземы, содержащие глагольные компоненты только в форме несовершенного вида: *играть первую скрипку* ; 2) совершенного вида: *se ressembler comme deux gouttes d'eau* (похож как две капли воды) [Алефиренко, 2009: 137]

К **адвербиальным** (наречным) относят фраземы количественно- или качественно-обстоятельственной семантики, характеризующиеся полным отсутствием парадигматических форм и выполняющие в предложении функцию обстоятельств.

Носителем потенциальных сем в семантических структурах адвербиальных фразем выступает соответствующий глагол [Амосова, 2013: 143, 148]: фр. *comme deux chiens sur les os* – (жить, грызться) как две собаки; *à deux genoux* – (умолять) на коленях; англ. *keep one step ahead of* – (разг.) немного опережать (обгонять к-л); сема «труд присуща адвербиальной фраземе рус. *до седьмого пота* , однако в фраземе имеет место скрытая форма, а в глаголе – явная архисема.

Техника переосмысления значения представляет собой загадку даже на уровне слов, и несмотря на то, что лексикологией в этой сфере накоплен богатый опыт. А.В. Кунин отмечает, что в сфере фразеологии проблема выглядит еще более запутанной, чем в лексике. Ученый объясняет это несколькими причинами:

- сложностью семантической структуры фраземы (простое и сложное переосмысление);
- структурным разнообразием прототипов фразем;

- высоким удельным весом внутренней формы и коннотации в структуре фразеологического значения;
- сложностью компонентного состава фразеологизмов [Амосова, 2013: 154].

Происходит глубокая перестройка семантической структуры свободно- синтаксического прототипа фраземы. Общим является смысловые преобразования по ассоциативному сопоставлению старого и нового. На втором этапе возникновение фраземы происходит собственно фразеологизация, возникают новые коннотативные и потенциальные семы, определяющие сущность фраземы как качественно новой номинативной единицы. Поэтому фразеологическому значению значительно удаляется от значения своих производных сочетаний: *опять двадцать пять* – «снова получить тот же результат», *опять двадцать пять* – «о чем-либо надоевшем». Образность этого фразеологического значения, будучи в момент возникновения фраземы неразрывно связанное с ее внутренней формой, свойствами, продолжающими поддерживать раздельно- оформленность фразеологического оборота [Алефиренко, 2009: 170-171].

Именно благодаря данным свойствам, фразеологические единицы вступают в различного рода отношения. Полисемические отношения (**полисемия**, или многозначность), в фраземах распространены меньше, чем в лексике. Большая часть фразем в разноструктурных языках однозначные: фр. *demander à deux genoux* – «умолять на коленях»; англ. «*play second fiddle*» – «играть вторую скрипку, занимать второстепенное положение»; рус. *убить двух зайцев* – «сделать два дела одновременно». Однако не все фразеологизмы однозначные – известно, что, как и слова, так и фраземы могут быть многозначными: фр. *nager entre deux eaux* – а) плавать под водой; б) служить и вашим и нашим [ЗФ- РФС, 2000: 332]; англ. *second-guess* – а) пересматривать прежнее мнение (иногда задним числом); б) предугадать [А- РСИиУС, 2014: 265].

Однако соотношение явлений фразеологической полисемии с полисемией слов реализуется в том, что полисемичные фраземы имеют несколько фразео-семантических вариантов, поскольку разные значения любой единицы языка разрушают ее единство, образуя различные языковые знаки [Алиференко, 2009: 60-61].

В отличие от полисемии, фразеологическая синонимия представляет более сложное явление в силу большей расплывчатости семантических отношений. Мыслительным основанием фразеологического значения является не понятие, а концепт – мыслительное образование менее структурированное, чем понятие. Бывает крайне сложно разграничить синонимические фраземы и фраземы, входящие в одну фразео-семантическую группу: фр. *se mettre sur son dix-huit – se mettre (être) sur son trente et un* – расфуфыриться, разодеться как петух; англ. *on second thought(s) - have second thoughts about* – подумать хорошенько, пораскинуть умом [НУСФСЯ, 2004: 217]; рус. *телеге пятое колесо – последняя спица* [ЗФ-РФС, 2000: 359].

Фразеологические синонимы – близкие по значению фраземы, выражающие разные аспекты смыслового содержания одного и того же концепта, соотносимые с одной и той же частью речи и обладающие одинаковой или сходной сочетаемостью, но отличающиеся друг от друга смысловыми элементами (семами) и стилистической окраской. Отсюда вытекают следующие положения:

1. В синонимические отношения вступают фраземы, обладающие близким или тождеств значением: сема «одинаковый» - фр. *se ressembler comme deux gouttes d'eau* – быть похожим как две капли воды; фр. *les deux font la paire* – два сапога – пара; англ. *as like as two peas* - похожи как две капли воды; рус. *одним миром мазаны, два сапога пара, одного поля ягоды*; сема «сделать быстро, легко, без усилий»: фр. *en un tour de main* – в одно касание; *en deux temps* – в два счета; англ. *before one knows where one is (before you know it)* – в два счета, и ахнуть не успел, не успел и глазом моргнуть; рус. *раз*

плюнуть – в одно мгновение – в два счета (сделать ч-л) ; значения «первенства» - англ. *first and foremost (first of all)* – прежде всего, в первую очередь ; *first and last* – в общем и целом ; *first come, first served* – разг., первого первым и обсуждают; *first things first* - сначала самое важное. Богатство фразеологических синонимов создает особо привлекательную выразительность изучаемых языков.

2. Фразеологические синонимы могут отличаться друг от друга:

- семантико-стилистическими оттенками фразеологических значений:

a deux pas de (в двух шагах от...) – «очень близко .

- стилевой принадлежностью: *first and foremost (first of all)* – прежде всего, в первую очередь – может употребляться в научном стиле; *first and last* – в общем и целом – книжное, общеупотребительное, разговорное, просторечное.

- степенью интенсивности действия или проявления признака: фр. *le coeur double = avoir deux visages* – двуличный; быть двуличным (более- менее интенсивное действие); рус. *из одного теста - из одного гнезда* (более- менее интенсивное действие).

3. Фразеологические синонимы могут быть тождественными по значению, не иметь смысловых различий [Алефиренко, 2009: 65]: фр. *ce ne vaut pas les quatre fers d'un chien* – гроша ломаного не стоит - *à quatre sous, de quatre sous* – грошовый, дешевый [ЗФ-РФС, 2000: 338].

Антонимические отношения во фраземике развиты меньше, чем синонимические. Нередко антонимия фразем стимулируется антонимичными связями их лексических синонимов: «умный – глупый»: *семи пядей во лбу – six of one and half a dozen of the other* (что в лоб, что по лбу) [Амосова, 2013: 75].

В настоящей работе фразеологические единицы с компонентом, выраженным числительным, будут анализироваться в соответствии с классификацией В.П. Жукова, считавшего, что в структуре одних фразеологизмов компоненты перестают быть словами (приобретая статус

символа) , а в структуре других не теряют своих словесных качеств (Жуков, 1986). При изучении языкового материала (а именно фразеологических единиц с числовым компонентом) мы придерживались принципов, согласно которым данным лексемам в составе фразеологических единиц свойственны:

1. Семантизация – числовой компонент ФЕ сохраняет определенно-количественное значение, например: фр. *faire d'une pierre deux coups* - одним ударом двух зайцев убить, *le sixième sens* – шестое чувство; англ. *three may keep a secret if two of them are dead* - трое могут хранить тайну, если двое из них мертвы, *one woodcock doesn't make a winter* - одна ласточка весны не делает.

2. Частичная семантизация – компонент ФЕ утрачивает определенно-количественное, но реализует неопределенно-количественное значение, например: фр. *il ne faut pas faire d'un diable deux* - не так страшен черт, как его малюют; англ. *opportunity seldom knocks twice* – не войдешь в ту же реку.

3. Частичная десемантизация – компонент ФЕ утрачивает определенно-количественное, но реализует комбинаторное значение, например: фр. *couper un lard en quatre, couper les sous en quatre* – дрожать над каждой копейкой; *deux ou trois, trois ou quatre* - очень мало; англ. *two cents* – разг., что-либо незначительное, почти ничего; чувство пристыженности; *three-ring circus* – шум и гам; неразбериха; рус. *за тридевять земель* – устойчивое сочетание, построенное на архаичной счетной модели, служит для обозначения далекого, неизвестного места, находящегося на неопределенно-удаленном расстоянии. Таким образом, квантитативная лексика в данном случае реализует неопределенно-количественное значение «много» и значение высшей степени (очень далеко), а также символическое значение неопределенности, неизвестности.

4. Полная десемантизация – компонент полностью утрачивает количественное значение и реализует лишь качественное значение: фр. *donner cinq et quatre* (надавать пощечин), *un mouton à six (cinq) pattes*

(диковина, оригинал, белая ворона); англ. *it's six of one and half-a-dozen of the other* – что в лоб, что по лбу; рус. *черта с два!* [цит. по Осиповой : 2008].

А.Д. Райхштейн [Райхштейн, 1980: 9], в качестве основы сопоставления принимает *планы содержания и выражения* ФЕ - фразеологическое значение и формы его выражения в исследуемых языках: с опорой на план содержания ФЕ выявляются сходства и различия их *плана выражения*, в котором и проявляется специфика фразеологизмов с компонентом «числительное» в сопоставляемых языках. Учитывая, что предметом сопоставительного анализа в работе являются фразеологизмы разноструктурных языков (французский язык относится к романской языковой семье, английский – к германской и русский - к славянской семье языков), особый интерес представляют *расхождения* планов выражения сопоставляемых фразеологизмов, поскольку "все разнообразие фразеологии сосредоточено не в плане содержания, а в плане выражения [Кириллова, 2003: 34].

В данной работе мы придерживались следующих основных параметров сопоставления фразеологизмов:

- *семантического*, позволяющего сопоставлять ФЕ на основе их *плана содержания*. Уместными являются совпадения/несовпадения сигнификата, денотата и коннотата у компонентов значения (или значений в случае полисемии) фразеологизмов;
- *типологического*, единицы фразеологии сопоставляются на основе их *внутренней формы*, где проявляются совпадения/несовпадения форм реализации прототипов фразеологизмов - *изосемантической* (внутренние формы сходные) и *идиосемантической* (внутренние формы разные);
- *структурного*, допускающего сопоставление ФЕ на основе их *плана выражения*: релевантными являются совпадения/несовпадения морфо-синтаксической организации и /или фразеологического компонентного состава.

Совпадение всех трех параметров (семантического, типологического и структурного) служит фактором, определяющим вид межъязыковых отношений фразеологизмов с компонентом «числительное» в сопоставляемых языках. Типологический аспект сопоставления фразеологии предполагает изучение особенностей *построения фразеологических образов* в их языковой реализации [Ройзензон, 1973: 72]. Эквивалентные, варианты и синонимичные ФЕ классифицируются нами как *семантические эквиваленты* с полным или частичным тождеством *плана содержания*, а омонимичные и антонимичные ФЕ - как *структурные эквиваленты* с полным или частичным тождеством *плана выражения*.

Среди данных ФЕ с компонентом «числительное» выделяются ФЕ следующих отношений:

- отношениями *фразеологической эквивалентности* характеризуются ФЕ, совпадающие по всем трём параметрам сопоставления;
- отношениями *фразеологической вариантности* характеризуются ФЕ, совпадающие по семантическому и типологическому параметрам;
- отношениями *фразеологической синонимии* характеризуются ФЕ, совпадающие по семантическому и структурному параметрам;
- отношениями *фразеологической омонимии* характеризуются ФЕ, совпадающие по типологическому и структурному параметрам;
- отношениями *фразеологической антонимии* характеризуются КФЕ, частично совпадающие по структурному параметру сопоставления [Кириллова, 2003].

2.2. Семантический код русских, французских и английских фразеологизмов с элементом «числительное»

В настоящее время лингвистический анализ фразеологических единиц осуществляется в основном в двух направлениях. Первое из них соотносится с рассмотрением фразеологических универсалий, второе – с выявлением

национально- культурных характеристик единиц фразеологического состава языка. Взаимно дополняя друг друга, результаты исследований помогают глубже проникнуть в специфическую сущность ФЕ как знаков косвенной (обозначаемой некоторыми лингвистами как вторичная) номинации, которым изначально свойственен параллелизм двух основных функций – номинативной и экспрессивной [см. Соколова, 2006].

Сходство признаков, характеризующих культуру и язык, позволяет рассматривать их взаимодействие исходя из единой методологической основы: культура и язык – это формы сознания, отображающие мировоззрение человека и народа; язык и культура существуют во взаимодействии между собой, поскольку субъект речи и ее адресат – всегда субъекты культуры; оба феномена имеют индивидуальные или общественные формы существования, субъект культуры и языка – всегда индивид или социум, личность или общество [см. Телия, 1996].

В этнолингвистических исследованиях широко используется понятие «код» (понятие «код» пришло в лингвистику из теории информации, где код определяется как механизм соединения двух наборов сигналов недвусмысленным, обратимым и независимым от контекста способом), которое при анализе мотивационного уровня культурно обусловленных значений при выходе за рамки языковой системы оказывается прямым продолжением (или расширением) лингвистического понятия «мотивация». Выявление признаков глубинных имплицитных мыслительных структур в кодах культуры, являющихся формой организации долговременной культурной памяти этноса.

Коды культуры предполагают наличие устойчивой связи между символизируемым и символизирующим в условиях символической ситуации. Отношение между носителем языка и объектом следует понимать как оперативное интенционально обусловленное действие, которое детерминируется не заданным кодом, а привычными интерпретациями и вариабельными прагматическими условиями.

Коды в языке определяются как открытая система семантически подвижных знаков. В процессе номинации определенными кодами фиксировалась (кодифицировалась) специфика национального сознания. Суть операции кодирования состоит в операции отождествления символов одного кода с символами или группами символов другого кода. При языковом кодировании из бесконечного информационного континуума отбирается селективная информация, наиболее значимая для человека данного этнокультурного сообщества. Исследованная Быковой О.И. релевантность количественных и качественных характеристик кодирования определяет специфику этнокультурной маркированности единиц лексического и фразеологического состава языка.

Ассоциации и образы являются базовыми единицами для построения национально-культурных структур сознания. Ассоциациям (категории психомеханики) принадлежит главная роль в формировании значения ФЕ, его сигнификативного аспекта. Образность (лингвистическая категория) рассматривается как семантический признак ФЕ, метаязыковое обозначение ассоциативно-образного восприятия, коррелирующее с образом, рассматриваемым как категория сознания. Согласно точке зрения В.Н. Телии, образ, заложенный во внутренней форме ФЕ, - «всегда редуцированный и типизированный слепок с образа... ситуации, которая описывается прямым значением сочетания слов» [Телия, 1990: 41].

В основе ассоциативного принципа лежит образность переменного сочетания (ПС): в процессе первичной транспозиции исходное ПС становится устойчивым образным сочетанием фразеологического характера в зависимости от определенных ассоциаций, которые переменные сочетания вызывают у носителей языка [см. Соколова Г. Г., 1987].

Николаева Э. А. указывает на ассоциативную реакцию, предшествующую созданию образа, вокруг которого формируется «ассоциативный комплекс», состоящий из ассоциаций лексических единиц (ЛЕ), лежащих в основе фразеологизма, ассоциаций переменного сочетания и

ассоциаций самой ФЕ, связанных с конкретным типом ситуации употребления ФЕ (см.: Николаева Э. А. .

Семантика ФЕ имея тесную связь с семантикой ЛЕ, характеризуется рядом некоторых особенностей. Такие аспекты как абстракция, фразеологическое переосмысление, типы значений во фразеологии, аспекты его значения и внутренняя форма ФЕ, анализируются с позиции значения ФЕ, вычлняя семы, элементы семантики и др.

Фразеологизмы возникают по преимуществу на образной основе. Образность выступает важнейшим фактором в формировании семантической структуры ФЕ. Семантическая структура слова отличается большой сложностью. Хотя фразеологизмы и уступают словам в отношении многозначности, семантическая структура ФЕ поистине многогранна. Вследствие этого в различных работах данные единицы называют сложным знаком, мегазнаком или комбинацией словарных знаков, составным или составным аналитическим знаком, отдельным знаком и т. п. (Кунин, 2005, 160).

Лингвокультурная специфика фразеологизмов является одной из наиболее актуальных проблем современных исследований. В работах В. Н. Телии отчётливо прочитывается мысль, что «культурно-национальная специфика идиом усматривается в том, что их семантику можно интерпретировать в терминах культуры, которая признается национальной по сути» (Телия, 1996, 214-215). Национальную культуру во фразеологии можно усматривать также потому, что значения фразеологизмов интерпретируются с позиции ценностных установок, свойственных менталитету того или иного народа. Мысль В.Г. Костомарова и Е.М. Верещагина о том, что «национально- культурная семантика языка – это продукт истории, и чем богаче история народа, тем ярче и содержательнее строевые единицы языка», может быть в равной степени применима как к меткому русскому языку, так и к богатым пословицам английского и французского языка. В каждом из этих языков пословицы и поговорки являются языковым творчеством народа;

они содержат как универсальные знания и представления, так и национально-специфические и, таким образом, страноведчески ценные, веками накопленный опыт, ощущения и мировоззрение, присущие уже отдельно взятому народу.

Национально-культурная ценность фразеологизмов складывается из трех составляющих. Во-первых, они отражают национальную культуру нерасчлененно, комплексно, всеми своими элементами, взятыми вместе, т. е. своими идиоматическими значениями. Некоторые фразеологизмы называют также явления прошлой и настоящего нашей страны, которые не имеют прямых аналогов в зарубежных национальных культурах. Ср. : фр. *encore unique les Anglais n'auront pas* (Господь напитал, никто не видал, а кто и видел, тот не обидел); англ. *half pint* (букв. , «в полпинты») – «человек маленького роста ; рус. *видеть на два аршина в землю, седьмая вода на киселе*.

Образ, образность, образные языковые средства – свойства, присущие значительной части фраземики современных языков. Например: *за три девять земель; в двух (трех) шагах*. Образность обусловливается двуплановостью фразем, целостными обобщенно-переносными значениями. Интерес поддерживается связью со свойствами: экспрессивность, эмоциональность, оценочность, коннотативность [Шипицына, 2012: 99].

Лингвострановедческий комментарий раскрывает национальные особенности восприятия внеязыкового факта, восполняет недостающие фоновые знания, необходимые для понимания незнакомых реалий, а также выявляет специфически национальные, культурно-бытовые или иные коннотации.

По мнению С.Г. Тер-Минасовой, лингвострановедческий комментарий отличается от энциклопедического тем, что его «никак нельзя назвать нетворческим, и задача его автора не сводится к механическому перенесению данных из справочников». Его «можно назвать исследовательским или творческим, так как он требует от комментатора творческого,

исследовательского подхода к объяснению того или иного внеязыкового факта» [Тер-Минасова, 2000: 98].

Пословично-поговорный фольклор – это богатейший экспрессивно-выразительный неотъемлемый пласт языковой системы, веками хранящий в себе сокровища народных наблюдений, умозаключений и представлений. Однако, являясь подсистемой определенного отдельно взятого языка, наряду с универсальной мудростью пословицы и поговорки отражают и национально-специфические ценности, идеалы и видения, присущие представителям конкретной языковой группы.

Проникнуть в тайны фразеологической образности невозможно, не обратившись к внутренней форме фразем. Русские фраземы обладают прозрачной внутренней формой, следствием актуализации являются – экспрессивность, выразительность, образность. Если внутренняя форма затемнена (*сорок сороков*), прибегают к историко-этимологическому анализу, предполагающему исследование диахронической истории фраземы. Соединение диахронического экскурса с современным восприятием фраземы позволяет по-новому осветить функционально-коммуникативный потенциал фразем с утраченной образностью [Алефиренко, 2009: 49].

Любое узуальное или окказиональное употребление фразеологического значения связано с его преобразованием. Своеобразие значения фразем обуславливается идиоматичностью (невыводимость значения ФЕ из значения составляющей ее лексических единиц) как одним из основных свойств. С одной стороны, фразеологическое значение характеризуется не прямым, а косвенным обозначением предметов или явлений действительности, с другой – производно от своих фраземообразующих компонентов (лексических и грамматических)

[Алефиренко, 2009: 50]. Преобразование также включает изменение семного состава ФЕ, т. е. структурную перестройку их значения при некоторых видах фразеологической деривации.

Семема – это одно из значений лексемы (фонетического слова, акустемы, материальной оболочки слова) [Стернин, Саломатина, 2011: 3]. Каждая семема состоит из более мелких семантических компонентов – сем. Эта идея постулировалась в теоретической лингвистике, начиная с «фигур» Л. Ельмслева (1960); термин сема принадлежит чешскому лингвисту В. Скаличке (1967). По современным представлениям в каждой семеме есть денотативные, коннотативные и функциональные семы. Семасиологи разработали и продолжают разрабатывать типологию сем, которые оказываются бесконечно разнообразными [Стернин, 2011: 5].

Сема – компонент значения, отражающий отличительный признак денотата слова (предмета, явления, процесса) или употребления слова и способный различать значения слов. Семы представляют собой микрокомпоненты значения, то есть такие компоненты, которые дифференцируют или объединяют отдельные значения слов (хотя существуют и скрытые семы, сема оказывается далеко не всегда мельчайшей, предельной единицей семантического описания). Выявление сем, образующих ту или иную семему, позволяет понять механизмы развития полисемии слов.

В семантической структуре ФЕ выделяю те же три семемы, что и в лексическом значении: денотативную, сигнификативную и коннотативную. В.Н. Телия, считающая ведущей экспрессивную функцию, главным компонентом называет коннотативную семему, включая в нее экспрессивные, оценочные, эмоциональные и стилистические семы [цит. по Алефиренко, 2009: 51]: фр. *s'acharner sur qn comme deux chiens sur les os* «жить, грызться, как две собаки» - (разг., неодобр. «быть в постоянном конфликте с кем-либо [НБФ-РФС, 2005: 1432]; англ. *two a penny* – (разг. «дешевка, нечто заурядное»; рус. *заблудиться в трех соснах* (разг., неодобр., только сов вид, чаще в прошедшем времени) – «не суметь разобраться в чем-либо простом, несложном. Оценочные семы – «неодобрение ,

стилистические – «разговорность», эмотивные – эмоции отрицательного отношения говорящего к предмету или явлению.

По определению В.Г. Гака возникает «совмещение видения двух картин» (первичной и вторичной денотативной ситуации), служащей логической основой формирования образа [цит. по Алефиренко, 2009: 52]. Именно вторичный фразеологический образ служит «источником ассоциативно-экспрессивной энергии фразем даже со стертой внутренней формой» [Алефиренко, 2009, 53]: фр. *se faire tenir à quatre* – буйствовать, оказывать сопротивление; англ. *put in one's two cents worth* – (амер., разг.) высказаться (в споре), сказать свое слово, лезть со своим мнением [А-РСИ, 2011: 244]; рус. седьмая вода на киселе – «дальние родственники» [И-ЭС, 2005: 734].

Внутренняя форма - это наличие в значении указания на тот признак предмета или явления, по которому данный предмет или явление были впервые названы. Значение, в отличие от внутренней формы, включает несколько сем, отражающих существенные признаки предмета, в то время как внутренняя форма отражает один признак, который не обязательно является существенным [Стернин, 2011: 15].

В.П. Жуков, А.М. Бабкин, Г.Л. Помигуев рассматривают внутреннюю форму (далее - ВФ) фразем как словесный образ, в основе которого они возникли; В.В. Виноградов, Л.И. Ройзензон и А.М. Мелерович под ВФ понимают семантическую мотивированность фразем, а В.Н. Телия – «мотивирующее основание коннотации»; В. М. Мокиенко, А. В. Кунин и М. М. Сидоренко называют ВФ фразем их этимологическое содержание; А. И. Федоров внутреннюю форму фразем отождествляет с «конкретным», а Р.Н. Попов – с «образным» представлениями; Н. Н. Кириллова (2003) видит во ВФ фразем «префразеологический», «логико-семантический аспект» обозначаемой ситуации [цит. по Алефиренко, 2009: 57].

На наш взгляд, имея сигнификативную природу, внутренняя форма фразем находит свое воплощение в содержании понятия фразеологического

значения, т.е. является внутренней связью между денотацией и коннотацией ФЕ, существующей в виде обобщенно-абстрагированного признака тому понятийному плану или представлению о денотате, которые формируют определенные фразеологические коннотации. Такой признак содержит в себе «деривационную память об источниках фразеологического образования» [Алефиренко, 2009: 59] номинативного, структурно-семантического и когнитивного характера. Благодаря данному свойству внутренняя форма фразем является собой не отдельный предмет, а целые денотативные ситуации: фр. *être fait comme quatre oeufs* – «быть дурно сложенным, быть плохо одетым» [ЗФ-РФС, 2000: 338]; англ. *knock smb (smth) for six* – (разг. добиться решительной победы, ошеломить кого-либо каким-либо действием, поступком [А-РСИ, 2011: 165]; рус. *пятое колесо в телеге (в колеснице), последняя спица в колеснице* – «лишний, ненужный человек в каком-либо деле/ играющий самую ничтожную роль в жизни, в обществе, в каком-либо деле» [БФСРЯ-3. У. КК: 530].

Системоприобретенные качества фразеологической семантики (целостность, обобщенность, эмоциональность и экспрессивность) обуславливают переход сочетания в другой семантико-грамматический разряд, или возникновение морфолого-фразеологического синкретизма (совмещения в устойчивом сочетании морфологических и фразеологических свойств). Это можно наблюдать в фраземе «абсолютный нуль», где адъективность (свойства имени прилагательного) сосуществует с фоновыми, скрытыми признаками имени существительного: формулы их словарных определений можно расширить в скобках компонентом «человек : абсолютный нуль – «ничтожный, совершенно бесполезный (человек)» [Амосова, 2013: 114-115].

Национально-культурная семантика языка важна и интересна вне зависимости от конкретного языка и присутствует на всех его уровнях: и в грамматике, синтаксисе, не исключая и фонетики. Однако наиболее полно и ярко она проявляется в таких единицах языка, как слова, фразеологизмы и

языковые афоризмы, включающие в себя пословицы и поговорки, крылатые выражения. Именно этот пласт языка непосредственно отражает внеязыковую действительность, называет предметы и явления окружающего мира, фиксирует содержание, восходящее к условиям жизни народа – носителя того или иного языка, являясь зеркалом и хранителем национальной культуры.

Важность фразеологизмов как страноведчески значимых единиц языка трудно переоценить. Историк ищет в *пословицах и поговорках* свидетельств о далекой старине и памятных событиях древности. Юрист ценит фразеологизмы как неписанные законы народной жизни. Этнограф усматривает в народных изречениях и метких образных определениях и характеристиках отражение уже исчезнувших обычаев и порядков. Философ через них пытается понять строй народного мышления. Образные выражения – неиссякаемый источник, копилка и сокровищница обычаев и традиций, знаний и сведений, умений и навыков, присущих определенной языковой группе и соответственно определенному народу.

2.3. Национальная специфика и этимология числительных во фразеологизмах изучаемых языков

Задача постижения культурного самосознания через языковые средства и способы отображения категорий бытия чрезвычайно важна в настоящее время. Совокупность сведений, составляющих языковое содержание категорий, позволяет говорить о коллективной культурной идентичности этноса. Особую роль в этой трансляции культурно-национального самосознания народа и его идентификации играет фразеологический состав языка, так как фразеологизмы возникают на основе образного представления о действительности, отображающего обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива.

Большинство фразеологизмов имеет метафорическую природу. Метафоризация на основе переосмысления восприятия пространства, одной из основополагающих понятийных категорий, прочно утвердилась в языке как способ номинации. Посредством метафоризации «говорящий... последовательно вычленяет из мира, определяемого координатами «Я – здесь – сейчас», из тесного круга, прилегающего к его телу и совпадающего с моментом его речи, другие миры» [Степанов, 1985: 229].

Пространственные метафоры широко используются в языке. Р. Якобсон отмечал, что в структуре нашего языкового кода значительную роль играют как пространственные, так и временные факторы. Интерпретируя фразеологические единицы на основе соотнесения их ассоциативно-образных восприятий со стереотипами, отражающими народный менталитет, мы тем самым раскрываем их культурно-национальный смысл и характер.

Фразеологизмы как знаки культуры составляют ряд с другими ее экспонентами и вписываются в аксиологическую систему культурных концептов, составляющих ценностную картину мира социума.

Интерес ученых к фразеологическим оборотам обусловлен наличием в их структуре культурологических, философских, антропологических составляющих. Эмоциональная сфера индивидуума и его мотивация наиболее ярко выражаются через фразеологические обороты и являются актуальным объектом исследования. Фразеология как один из образцов концептуализации мира обладает антропоцентрической сущностью, а именно отражает поведение людей, человеческие отношения, понимание окружающей среды, мировоззрение. Каждая культура по-разному воспринимает, ассимилирует и хранит информацию, тем самым создавая разные картины мира, а «язык как хранилище коллективного опыта человечества фиксирует и передает этот опыт в назначениях слов и устойчивых выражений...» [Молчанова, 2007: 78].

Фразеологическая единица определяется как раздельно оформленная единица языка, характеризующаяся частичным или полным

переосмыслением компонентов. [Соколова, 1986: 4]. Фразеологические обороты самобытны и являются показателем национальной культуры, так как созданы народом, отражают нравы, традиции, обычаи национального сознания. Этносемантическая специфика фразеологизмов рассматривалась в работах Н.Д. Арутюновой, А. Вежбитской, Е.С. Кубряковой, Г.Г. Соколовой, Ю. С. Степановой, Л. О. Чернейко. В последнее двадцатилетие фразеология изучается с позиции когнитивной лингвистики, когда языковые средства рассматриваются в тесной взаимосвязи с социумом, человеческим опытом, памятью, эмоциями, таким образом, выявляются связи языка с экстралингвистической реальностью. По мнению Е.С. Кубряковой, при когнитивном анализе фразеологических идиом необходимо установить контекст, который лежит в основе этих единиц и определенным образом их структурирует, а главными темами когнитивного исследования являются «роль человека в языке и роль языка для человека» [Кубрякова, 2004: 6-17]. Т. Ю. Загрязкина также пишет о необходимости рассматривать единство языка и человека: «... речь о языке – это больше, чем речь о языке, это речь о человеке [Загрязкина, 2013: 62].

Одним из методов исследования когнитивной лингвистики в области фразеологии является психологический ассоциативный эксперимент, цель которого – выявить ассоциативные связи в сознании человека, лежащие в основе значения языковых единиц и, таким образом, проникнуть в глубинный слой психики и установить скрытые признаки концепта – ассоциации. По мнению А.Р. Лурии, ответы, основанные на ассоциативных связях, не могут быть ошибочными, так как обусловлены внешними связями (по соотнесенности с определенной ситуацией) или внутриязыковыми (включение слова в определенную категорию) [Лурия, 1998: 90-95].

В связи с этим интерес лингвистов обратился к концептам мотивация и мотив как проявлению психической и эмоциональной составляющей человека. Французские лингвисты Д. Лонгре и С. Мэлле (D. Longrée, S. Mellet) изучили образование фразеологических оборотов с позиции «мотива»

и пришли в выводу, что переход от свободных лексических единиц во фразеологические единицы зависит от частоты их употребления и степени запоминания. По их мнению, частота употребления фразеологических единиц зависит от мотива, и мотив играет фундаментальную роль в построении дискурса, в структурировании текстов и выборе языковых средств [<http://www.cairn.info>]. Под мотивом, таким образом, понимают побуждение в выражении чувств, мыслей, в создании ассоциаций и символов. «Возникая подспудно на психологическом уровне, мотивы несут в себе в совмещенном, нерасчлененном виде большой спектр эмоций и логических доводов» [Афинская, 2014: 29].

Исследование фразеологического фонда занимает языковедов уже не первый десяток лет. Невозможно отрицать некую обособленность и исключительность этой группы языковых единиц. Огромный интерес вызван функционированием в языке фразеологизмов с компонентом «числительным».

Основной круг чисел, используемых во фразеологизмах, довольно специфичен. Фразеология требует хорошего знания истории и быта данной страны, точного и свободного владения реалиями языка, кроме того, она связана с традициями, культурой, религией, психологическими особенностями народа-носителя. Поэтому естественны различия в частотности употребления конкретных числительных, их семантической окраске; числа и числовые наборы предметов и понятий всегда имеют, помимо своей основной счетной функции, еще и дополнительное, символическое, ритуальное, отражающее определенную традицию значение.

Квантитативные компоненты ФЕ русского и западноевропейских языков имеют более или менее развернутую семантическую структуру. Число «один» на сегодняшний день является самым распространенным числом в мире. Оно повсюду. А в русском языке наиболее многозначными являются лексемы, реализующие числа два. Как только мы начинаем задумываться о смысле собственного существования, тут же возникают

мысли о паре. Две части для взаимодействия, сотрудничества и гармонии, и в то же время это означает противоречие и сопротивление. В семантической структуре которых есть следующие значения:

- значение противопоставления (*гений и злодейство – две вещи несовместимые*);
- соперничества, вражды (*два кота в одном мешке не улежатся, два медведя в одной берлоге не уживутся, в паре влюбленных третий лишний*);
- единства, подобия (*два сапога – пара, как две капли воды, два сердца бьются в унисон*);
- значение нестабильности, непостоянства (*бабушка надвое сказала, two-timer* (изменник, ведущий двойную жизнь).

К примеру ФЕ «double whammy», что в переводе с английского означает «двойной удар», «что-то мощное» берет свои корни из политики, означая некий политический прием. Происхождение этой фразы несколько усиливает подозрение по поводу выбора книг, которые читают на ночь наши лидеры, и фильмов. Это обычно исполняемая в 1940-е годы американская комическая лента, которая называется «Li'l Abner» («Лил Абнер») Ола Каппа. «Мать- Природа наделила меня чутьем, которое может разлагать граждан. .». Это «одиночный удар». Итак, «whammy» (удар) — это проклятие, которое послал дурной глаз, а проклятие вдвойне, направленное из обоих глаз, - это двойной удар, «...который, я надеюсь, мне не придется использовать». Ол Капп, возможно, образовал это слово от слова «wham» («Бух!»), означающего «удар». Слово «wham» впервые появилось в газете «Нью-Йорк таймс» в 1923 году. Последнее появление слова «wham» произошло на стадионе Уэмбли в 1986 году [Глинн- Джонс, 2009: 5].

Интересно происхождение псевдонима известного английского писателя Марка Твена. Безопасной глубиной воды считалась метка в два фатомы (3,6 м), которую лодочники мерили с помощью палки с разметкой. В те дни слово «близнецы» (англ. «twain») обычно обозначало «двое», поэтому лодочники кричали, достигая безопасной глубины: «На отметке двое (что

по-английски звучит «by mark twain»). Позже английское слово «twain» перестало обозначать два и вышло из употребления, однако сохранилось множество других слов: связка, пара, двойка, дуэт, дуо, двойной.

Язык пестрит устойчивыми выражениями с числительным «два»: *двойная вершина* (удвоение 20 очков в дартсе, самое верхнее деление доски); *двойной риск* (юридический термин, означающий закон о запрещении двукратного привлечения к ответственности за одно и то же правонарушение, а в 1999 году был снят фильм «Двойной просчет», где главную роль сыграл Томми Ли Джонс); *двойная голландка* (англ. «Double Dutch») игра слов, на основе игры в скакалку с двумя веревками, на которую мир обратил внимание благодаря гуру поп-музыки Малькольму Мак-Ларену, который в 1983 году выпустил популярный хит с этим названием); *двойная ставка* (тариф, по которому оплачивается работа в дополнительное от работы время (двойная такса), а также музыкальный термин, означающий «играть в удвоенном темпе», часто используется для солдат, чтобы они маршировали быстрее (удвоили шаг); *допельгенгер* (в смысле «призрачный двойник» (также «подставное лицо»), произошедшее от немецкого слова, означающего «ходящий по пятам»).

Не менее интересно происхождение французского фразеологизма «*folie a deux*» (перев. с франц. «безумие на пару»), психоз, который одновременно происходит у двух людей, живущих рядом. Классический случай в авторитетном труде Инока и Бола «Необычные психиатрические синдромы», где описываются Маргарет и ее муж Майкл, которых мучила одинаковая мания преследования. Им казалось, что некие люди проникают в их дом, разносят грязь и пыль и изнашивают их обувь [Глинн-Джонс, 2009: 9].

Три – это любимое число в сказках, особое число в науке. Оно символизирует прочность, равновесие и завершенность. В английском языке наиболее развернутой семантической структурой обладают лексемы, реализующие значение числа три. Были выявлены значения:

- совершенства (*all good things come in three*);
- неординарного явления или предмета (*three foundations*);
- негативной силы (*all bad things come in threes*).

Было установлено, что значение большинства современных лексем взяты из традиций архаичных культур, однако в современных лексемах английского и французского языков меньше архаичных значений, чем в русских. К примеру, французское числительное *trois* несет в себе два значения: совершенства (*brave a trois poils*) и необъяснимого явления или предмета (*jamais deux sans trois*), противостояния (*ménage à trois*).

Происхождение фразеологизма **tomber dans le troisième (trente-sixième) dessous**, дословно 1) провалиться (о пьесе); 2) попасть в бедственное положение; дойти до полной нищеты, связано с театральной терминологией, где **dessous** означает находящееся под сценой театра подполье, где хранятся разные аксессуары, бутафория и размещаются механические приспособления для передвижения декораций и т.п. В старом оперном театре Парижа было три таких подполья на разных уровнях, причем третье располагалось в самом низу. Поэтому о какой-нибудь освищенной пьесе говорили, что она «провалилась в третье подполье». Позже, в результате ассоциативного сближения, развилось второе значение фразеологизма, который стал применяться ко всякого рода неудачам и провалам.

Данное выражение иногда встречается в форме *tomber dans le trente-sixième dessous*, что является гиперболическим распространением первого.

К значению 1: Il n'aurait jamais cru que sa pièce, dès la première représentation serait tombée dans le troisième dessous (ORCORTE).

К значению 2: Ce jeune homme était tombé dans le troisième dessous (Zola, cité par M. Rat) [Назарян, 1978: 67].

ФЕ «**Un brave à trois poils**» (разг. храбрец, бравый молодец (букв. храбрец с тремя бородками) восходит к эпохе царствования Карла IX (1550-1574). В ту пору оно служило для обозначения забияк, называвшихся так потому, что они носили длинные усы с заостренными концами и такой же

заостренной формы тонкий пучок волос на подбородке. Таким образом, создавалось впечатление, будто у них три бородки (*trois poils*).

Mascarille. – Savez-vous, mesdames, que vous voyez dans vicomte un des vaillants homes du siècle? C'est un brave à trois poils (Moliere, Les précieuses ridicules).

- J'ai connu aussi son fils aîné ... votre frère, le capitaine George ... C'était un brave à trois poils ... Mais, malpeste! il avait la tête chaude (Mérimée, Chronique du règne de Charles 9).

Ce chasseur de fauves était un brave à trois poils (DVF) [Назарян, 1978: 123-124].

Сакральность числа «четыре» во французском языке подтверждается частотностью появления данной семы во фразеологических единицах. В данном исследовании мы анализируем следующие фразеологические единицы: *arriver en trois* (или *quatre*) *bateaux*, *ne pas (y) aller par quatre chemins*, *faire le diable à quatre*, *être tiré à quatre épingles*, *les quatre mendicants*, *se mettre en quatre* (*quartiers*) *pour qn*.

Происхождение выражения *arriver en quatre (или trois) bateaux* (разг. «явиться с большой помпой (букв. «явиться на четырех или трех кораблях)») связано с распространенным обычаем, по которому суда, имеющие на борту ценный груз или какого-либо знатного пассажира, сопровождаются группой военных кораблей, что придает плаванию торжественный характер:

«... Votre serviteur Gille

Cousin et genre de Bertrand

Singe du pape en son vivant.

Tuot fraîchement en cette ville,

Arrive en trois bateaux exprès pour vous parler». (La Fontaine, Fables).

[Назарян, 1978: 35]

В выражении *ne pas (y) aller par quatre chemins* («действовать, говорить прямо, открыто, без обиняков») слово *quatre* обозначает не конкретное число, а неопределенное множественно. Подобное употребление

этого числительного свойственно французскому языку и встречается у многих писателей. Так в трагедии Корнеля «Сид» можно прочесть следующую фразу: «A quatre pas d'ici je te le fais savoir» (Le Cid, acte 2, sc. 2).

Таким образом, *ne pas (y) aller par quatre chemins* дословно означает «не идти несколькими путями (подраз. к своей цели)», а идти определенным путем.

Источником выражения *faire le diable à quatre* («производить адский шум, неустово шуметь; перевернуть все вверх дном», «букв. разыграть черта вчетвером») явились средневековые драматические представления и пьесы – *diableries*, входившие в состав мистерий и названных так потому, что в них изображались черти (*diabes*). Страшные, отвратительные, эти черти метались по сцене, корчились, орали, производили ужасный шум. Среди этих пьес различались малые (*petites diableries*), в которых участвовало два черта, и большие (*grandes diableries*), с участием четырех чертей. В последнем случае шума на сцене, естественно, было намного больше, ибо «разыгрывали черта вчетвером» (т.е. *faisaient le diable à quatre*): Le mari, à ce qu'ils dissent, est un jaloux qui ne veut pas qu'on fasse l'amour à sa femme; et il ferait le diable à quatre si cela venait à ses oreilles (Molière, George Dandin). Je ferai le diable à quatre pour faire accepter sa pancarte (Voltaire, Lettre en vers et en prose). [Назарян, 1978: 68]

Выражение *être tiré à quatre épingles* («одетый с иголки, подтянутый; букв. «быть натянутым на четыре булавки») восходит к существовавшему в прошлом обычаю затягивать одежду по фигуре при помощи четырех булавок. Так, при помощи четырех булавок затягивали на спине перекинутый через плечи платок и скрепляли его крестообразно на груди: Ct petit vieillard, gras, frais, trapu, fort, était, comme dit le peuple, toujours tiré à quatre épingles... (Balsac, Un début dans la vie). [Назарян, 1978: 73-74]

В выражении *les quatre mendiants* («десерт из винных ягод, орехов, миндаля и изюма; «букв. четверо нищих») речь идет о четырех католических монашеских орденах, возникших в XIII веке, а именно: орден августинцев,

кармелитов, доминиканцев (или якобинцев) и францисканцев. Члены этих орденов – монахи давали обет (который, однако, далеко не всегда выполняли) не иметь никакого имущества и жить исключительно на подаяния верующих. Вот почему эти четыре ордена были названы нищенствующими.

Происхождение фразеологизма связано с тем, что представители этих орденов, часто шедшие рядом во время религиозных процессий, носили рясы разных цветов, приблизительно напоминающие цвет винных ягод, орехов, миндаля и изюма. Таким образом, в представлении народа и возникла ассоциативная связь между четырьмя нищими и указанным выше десертом из четырех сортов фруктов: *On s'attardait aux quatre mendicants du dessert* (Duvernois, Monsieur). [Назарян, 1978: 103]

Происхождение фразеологизма *se mettre en quatre (quartiers) pour qn.* («разг. быть готовым разорваться на части ради к- либо», вариант: *se couper en quatre pour qn*) связано с применявшейся в старину казнью – четвертованием. По-французски это называлось *mettre qn. en quatre quartiers* или *en quartiers*. Отсюда в результате метафорического переноса развилось идиоматическое выражение *se mettre en quatre (quartiers) pour qn., qch.*, что дословно означает «разрывать на четыре части ради кого- либо или чего-либо : Aussi Corentin s'aperçut-il que l'aubergiste s'était, pour nous servir d'une expression populaire, mis en quatre, afin de plaire aux étrangers (Balzac, Les Chouans) [Назарян, 1978: 133-134].

Число «четыре» - число симметрии и стабильности, имеет хорошие показатели в научных стремлений, поэтому четность и симметричность числа «четыре» играет неоценимую роль в рассказах и сказках. Так как это первое не простое число, два в квадрате, оно слишком постоянно, чтобы служить для обозначения случайностей. Напротив, оно наблюдается в разделении природного мира на четко упорядоченные части: четыре направления ветра; четыре стороны света (север, юг, восток и запад); четыре сезона; день также делится на четыре части (утро, день, вечер, ночь). Греки

выделили четыре элемента: земля, воздух, огонь и вода. Число «четыре» отражает чувство равновесия. На Дальнем Востоке это число считают несчастливым, оно обозначает смерть. А вместо четырех элементов, которые выделили греки, китайцы признают пять: огонь, дерево, вода, металл и земля.

ФЕ *«четыре сезона в один день»* используется в Австралии и Новой Зеландии, когда говорят об экстремальных изменениях погоды, которые могут происходить в прибрежных зонах за очень короткий промежуток времени. А понятие «четвертая власть» - журналистика, или пресса, вообще приобрело мировую известность.

Таким образом, при возникновении фразеологические выражения могут реализовываться скрытые значения одних и тех же слов. В основе фразеологического выражения лежит образ, создающийся путем сочетания понятий, перефразирования, неправильного перевода или искажения.

Один из путей глубокого изучения структуры языковой системы, действительного познания природы национального языка – изучение собственно языковых знаков, их составляющих единиц, содержательной и формальной сторон языковых единиц. Другой путь заключается в изучении их в тесной взаимосвязи с такими неязыковыми ценностями, как реальная действительность, мышление, познание. Языковые единицы наименований чисел составляют один из древних пластов словарного состава языка, заключающих в себе своеобразную тайну. Поскольку числа образуются из определения размера, объема предметов и явлений окружающей среды относительно друг друга, то они являются одним из способов познания мира человеком. В настоящее время числа входят в содержание любой науки и служат для нее. Вместе с тем в каждом языке имеется тенденция к приданию числам некоего символического смысла, отнесение их к священным - это явление берет свое начало из древней истории многих народов. Исследования чисел в относительно новых направлениях проводятся в аспекте лингвокультурологии, этнолингвистики, когнитивной лингвистики.

Вот несколько основных положений, встречающихся в данных исследованиях:

- символическая суть имен числительных один, два, три, четыре, семь берет начало из древней мифологии, связанной с моделью мира;
- символическая сущность чисел семь, девять и сорок сложилась под воздействием образования искусства магии;
- в качестве священного у чисел развивается и их семантическое значение;
- система количественных символов связана с философскими, логическими, психологическими и др. основами; комплексное содержание этнокультурных, духовных поверий, отраженных посредством чисел, является корневой основой языкового сознания;
- числа три, четыре, семь, девять, двенадцать, сорок основаны на миропонимании человечества в целом.

Человечество после системы *троичного* счета изобрело *пятеричную* систему счета. Известно, что по пятеричной системе счета в древности самым крайним числом было *пять*. *Пять истин*: слово истина употреблено в значении очевидный. К пяти истинам относятся: *язык, религия, традиции, история, родина*. Число «пять» - это число в ряду Фибоначчи и количество планет, видимых невооруженным глазом, - Меркурий, Венера, Марс, Сатурн, Юпитер. Это также количество человеческих чувств. Это число океанов, а также, в соответствии с классификацией в Древнем Китае и Древней Индии, количество элементов. Это число колец в эмблеме Олимпийских игр и популярное число для поп-групп и любящих приключения подростков, хотя пятым членом в книгах Инид Блайтон из серии «Великолепная Пятерка» была собака по кличке Тимми. Мы привыкли видеть циферблат часов, разделенный на 5-минутные интервалы, «еще 5 минут» — стандартная фраза, так же как и обозначение короткой паузы: «пятиминутный перерыв [Глинн-Джонс, 2009: 15].

«Шесть - на первый взгляд непритязательное маленькое число, но за его скромной внешностью скрывается намного большее. Шесть футов - глубина, на которую обычно кладут в землю гроб. Шесть сторон у игральных костей. Шесть струн у гитары, и это самое большое число точек в домино.

В английской культуре «*Бирмингемской шестеркой*» называли шесть мужчин, приговоренных к пожизненному заключению в Британии в 1975 году за взрыв бомб в двух пабах в Бирмингеме. Их вину опровергли в 1991 году. На основе этого эпизода в 1993 году был снят фильм «Во имя отца», номинированный на семь премий «Оскар». А свинг на счет «шесть», также известный под названием «*буги-вуги*», — это танец в стиле рок-н-ролл 1950-х годов. Исследования показывают, что, хотя в Интернете миллионы различных сайтов, большинство из нас регулярно заходят только на *шесть*. А на языке сленга шестизарядный кольт («*six gun*», «*six shooter*») обозначает классический револьвер с шестизарядным устройством [Глинн-Джонс, 2009: 24].

Большинство из древних великих выражений, пословиц и поговорок, крылатых слов, устойчивых выражений народа связаны со священной цифрой семь. Почтение к цифре семь берёт начало с древних времен. Это можно встретить и в системе цифр, и в культуре других народов. Число и понятие семь в действительности отражают сознательные традиции, старинные народные обычаи. Слово семь является святым, священным.

Так во многих культурах существует поверье, что седьмой сын седьмого сына имеет дар ясновидения. В некоторых культурах, среди которых культуры племен американских индейцев и австралийского племени кулин, год делится на семь сезонов. А Френсис Ксавьер, испанский миссионер XVI столетия, говорил: «Дайте мне ребенка, которому еще нет семи, и я сделаю из него мужчину». Он верил, что в первые семь лет жизни формируется характер человека.

Одной из самых популярных машин, которые когда-либо производились была «Остин-7». За время ее сборки в Англии, с 1922 по 1939 года, ее продажи достигли 300 000 экз. «Лотус-7». А в астрономии «семь

сестер» — это созвездие, также известное под греческим названием «Плеяды». В греческой мифологии они были дочерьми Атласа и Плеоны. Появление «Семи сестер» стало точкой отсчета для начала века ацтеков.

Во фразеологии выражение «*être (ravi) au septième ciel*» - быть в восторге, в восхищении (на седьмом небе, на верху блаженства) – несет в себе значение наивысшей степени состояния души: «- Mon cher, dit-il, je suis ravi de vous voir. Je suis aux anges de vous voir retrouvé. Je suis au septième ciel que nous nous sommes réunis (Blot. Le soleil de cavouri)». В то время как в русском языке с цифрой семь имеются следующие крылатые выражения: «Семь мудрецов, семь чудес света; Москва стоит на семи холмах; служил семь лет, выслужил семь рек; семеро в сани по семеро в санях» и т.д. древние греки поклонялись цифре семь, она приносит удачу людям и т.д. В современном дискурсе фразеологизм *marcher avec des bottes de sept lieues* – «двигаться семимильными шагами» приобрел значение «быстро»: «[...] et il ne faut pas» [Назарян: 1976: 176].

Число «восемь» - это число больше математическое, чем мистическое. Редко встречается в религии или мифологии. Так выражение «*два и восемь*» на кокни значит «состояние», то есть «*два и восемь*» - это значит, что его состояние «в порядке». Данный количественный компонент часто используют в британской системе мер и весов, так как восемь намного легче, чем десять, делится на равные части, сравните восемь унций жидкости в одной чашке (1 унция \approx 28 г).

Этимология ФЕ «*выбить из кого-то семь ударов колокола*» связывают с восьмью ударами судового колокола, означающими окончание вахты на корабле. Полагают, что от этого выражения произошел фразеологизм, что означает «получить суровое наказание», «избить до полусмерти», т.е. еще один, восьмой удар - и он покойник.

Фраза «*один сверх восьми*» означает «*слегка навеселе*», а ее происхождение связано с армией и, очевидно, основывается на

предположении, что человек может выпить восемь пинт (1 галлон, 4,5 л) пива до состояния опьянения [Глинн-Джонс, 2009: 41].

Числительное «девять» - последнее в ряду однозначных чисел, захвативших человечество так же как и «семь», возможно этому способствует факт, что девять месяцев человек проводит в утробе матери, или это число первым приходит на ум в девяти из десяти случаев.

ФЕ «*у кошки девять жизней*» обычно употребляется как образное выражение о возможности животных избегать опасности. Однако эта фраза указывает не необычную связь: египтяне обожествляли кошек, и у них также было восемь богов. Как говорят в арабских странах (и в Испании, которая исторически впитала часть арабской культуры), у кошки *семь* жизней. Это вносит определенную путаницу. Возможно, это как-то связано с черной магией, а число девять — это три тройки. В 1533 году английский автор Вильям Болдуин опубликовал книгу под названием «Остерегайтесь кошек», в которой он описал, что «колдунья может использовать тело своей кошки девять раз».

Выражение «*владелец на девять десятых прав, или собственность диктует законы*» часто употребляется в правовых спорах на предмет собственности. Сама по себе эта фраза не имеет юридического применения; она просто предполагает, что намного легче удержать что-то, что вы имеете, чем получить это от кого-то другого, заявляющего себя собственником. Другими словами, обладание имеет практически такое же значение, как и юридическое право собственности. Устойчивое выражение «*согнут, как девятишиллинговый банкнот*» в английском разговорном языке означает кого-то или что-то «ненастоящее, неподлинное», а «*бобом*» в разговорном языке называли старый английский шиллинг, который имел в банкнотах достоинство в один, два или десять шиллингов, но никогда девять.

Происхождение ФЕ «*все девять ярдов*» связано с Второй мировой войной, когда в боевых самолетах возили пулеметы с 27-футовыми патронными лентами. Разрядив в кого-то «*все девять ярдов*», вы используете

весь свой оружейный заряд. Выражение «одетый в девятку» обозначает «разодетый в пух и прах, одетый с иголки», однако происхождение этого ФЕ до сих пор неизвестно. ФЕ «кошка о девяти хвостах» произошел от названия злого хлыста, который существовал для установки дисциплины на борту корабля. Он состоял из девяти плетей с узлами, которые впиваются в тело [Глинн-Джонс, 2009: 63].

Числительные после девяти все реже встречаются в составе фразеологических оборотов, однако несколько примером нам удалось найти, к примеру, «*decimate*» означает сокращать что-то на одну десятую, казнить каждого десятого, а также (истор.) взимать десятину, а «*одинадцатики*» (англ. *elevenes*) - своеобразное английское выражение, означающее легкий перекус или напитки в 11 часов утра.

«*Славное двенадцатое*» — означает начало сезона (в августе) охоты на куропаток в Британии. А английское выражение «*девятнадцать на дюжину*» обозначает «*непрерывно, без умолку*». Эту фразу используют, чтобы описать нечто очень быстрое, например ноги бегуна или чью-то манеру говорить. Почему именно девятнадцать — непонятно. Основанием может служить уровень огня во время битв, или, возможно, это была единица измерения частоты пульса. До введения метрической системы мер удары сердца считали каждые двенадцать секунд. Девятнадцать на дюжину звучит более благозвучно, чем двадцать на дюжину. Эта фраза полностью потеряла связь со своим первоначальным значением, так что никто с точностью не может сказать, как звучал первоисточник. Также нередко встречается выражение «*десять на дюжину*», и вы можете услышать и другие числа, которые используются в том же значении.

Английское слово «*score*» в разговорном языке означает двадцать (три 20-летия и еще 10 лет — средняя продолжительность жизни человека) и вероятнее всего произошло от значения «*сделать зарубку*». Предположительно, на каждый двадцатый счет делалась отметка на куске

дерева или камня. С тех пор английское слово «*score*» повсюду приобрело более широкое значение как числительное.

Французский ФЕ «*vingt-deux!*» (от франц. «двадцать-два») на жаргоне означает «идет полиция!».

Термин «*тридцать с чем-то*» стал частью английского языка в 1980-е годы благодаря популярному телевизионному сериалу с таким же названием. «Тридцать с чем-то» заменили «яппи» середины 1980-х как демографический феномен: американцы, принадлежащие к поколению «бума рождаемости», при наступлении 30 лет активно противостояли взрослой жизни [Глинн-Джонс, 2009: 139].

Международное понятие «*восемьдесят шесть*» - это кодовая фраза среди ресторанного персонала, означающая что какой-то позиции нет в наличии. Со временем смысл фразы стал более широким, т.е. «*избавиться от чего-либо*», в том числе от нежелательных клиентов. Происхождение выражения неизвестно, хотя большинство популярных теорий предполагают, что это рифмованный сленг к слову *nix* (от немецкого «*nichts*» - ничего). В английской культуре «*две полные леди*» — это «*восемьдесят восемь*», разговорное выражение в бинго. ФЕ «*сто десять процентов*» — фраза, которая приобрела популярность в значении «сверхусилие», например: «Мы сделали это на 110 процентов», «Мы сделали все, что могли, и даже больше».

На языке сленга выражение «*четыреста двадцать*» приобрело значение «курить марихуану». Это выражение часто встречается в рекламных объявлениях, где люди описывают себя как «не против четыреста двадцать». Происхождение этого выражения, к сожалению, не известно. Наконец, устойчивое выражение «*тысяча и один*» используется для выражения бесчисленного множества чего-либо.

Таким образом, образование наименований новых понятий с применением количественных понятий — это явление, которое существует с древних времен. Наименование в языке, образованные от количественных понятий, образуют различные концепты системных единиц когнитивного

сознания. Посредством наименований священных чисел формируется языковая картина мира, образуется мировоззренческий образ. Свойства святых чисел несут функцию познания содержания концепта. Вместе с тем в проявлении языковой картины мира имеются различные характеристики, свойственные собственно концепту: образы разъясняющих, познавательных, оценочных, образных слов доказывают, что природа создающих количественный концепт является культурным явлением.

2.4. Семантика и специфика употребления языковых универсалий и национально- культурных особенностей фразеологических единиц с компонентом «числительное в современном дискурсе.

Существует ряд ФЕ с компонентом «числительное», где данный числовой компонент содержит в себе универсальную коннотацию для разных народов и культур. Данный параграф посвящен выделению фразеологических универсалий и ФЕ с национально- культурной спецификой в разноструктурных языках с лексемой «числительное».

При применении метода универсалий изучаются черты, присущие языкам мира или их отдельным группам. Языковая универсалия определяется как некоторый признак, закон, свойство, тенденция, присущие большинству или всем языкам: «...это единообразный, изоморфный способ выражения внутрисистемных отношений языковых элементов, или однотипный по своему характеру процесс, дающий одинаковые результаты, проявляющиеся с достаточно высокой степенью частотности в различных языках мира» (Серебренников, 1972, 5). Наличие языковых универсалий свидетельствует об определенной универсальности видения мира у народов, говорящих на разных языках. Ш. Балли еще в начале XX столетия высказал мнение о существовании единого общеевропейского менталитета, отраженного во взаимном переплетении языковых картин мира, возникшем в результате заимствований и калек (Моисеева, 2005).

Предпосылки изучения семантических универсалий развились из идеи существования универсальных законов мышления, которые отражаются в законах изменения значений (Jespersen, 1958, 212). В дальнейшем, под влиянием описательных и структурных методов исследования, лингвисты начинают сосредотачивать свое внимание на синхронных явлениях общего характера, на принципах, определяющих структуру словаря (Ullmann, 1970, 250), а также на способах лексикализации ключевых слов и понятий, то есть осознают необходимость поиска общей понятийной базы (Вежбицкая, 1999, 134-170). Попытки учитывать семантическую сторону языка в изучении межъязыковых сходств предпринимались в работах зарубежного лингвиста Э. Сэпира и И. И. Мещанинова в отечественной лингвистике. В работе С. Ульмана выводятся некоторые эпистемологические универсалии, характеризующие лексико-семантическую систему языка, такие как мотивированность и типы мотивированного слова, соотношение слов с общими и частными значениями, полисемия и омонимия (Ullmann 1970, 250). Однако имеющихся научных данных в области лексико-семантических универсалий не достаточно, чтобы утверждать наличие подобных универсалий в языках.

Тем не менее, следует отметить, что существуют универсальные семантические свойства языков, по поводу которых мнения лингвистов более или менее совпадают. Общепринятыми являются утверждения о том, что, во-первых, все языки представляют собой особого рода системы передачи информации, отличные от прочих семиотических систем, не являющихся языками; во-вторых, семантическое членение («картирование») действительности тем или иным языком является, вообще говоря, произвольным, и семантическая «карта» какого-то одного языка отлична от семантических «карт» всех прочих языков» (Вейнрайх, 1979, 231).

В данной работе, при рассмотрении самых частотных фразеосочетаний в трех анализируемых языках, в количественном отношении мы выделяем

три группы аналогов: трехязычные аналоги: фр. - англ. - рус. и две пары двуязычных аналогов: фр. - рус. и англ. - рус.

В исследованиях по фразеологии неоднократно отмечалось, что все разнообразие ФЕ сосредоточено на плане выражения, а не на плане содержания. В данной работе мы придерживаемся шкалы сходств и различий Н.Н. Кирилловой (Кириллова, 2003), предлагающей по мере уменьшения сходств и увеличения различий межъязыковых фразеологических аналогов следующие типы: межъязыковые фразеологические эквиваленты (МФЭ), межъязыковые фразеологические варианты (МФВ), межъязыковые фразеологические синонимы (МФС), межъязыковые фразеологические омонимы (МФО), межъязыковые фразеологические антонимы (МФА) и межъязыковые диасемичные фразеологизмы (МДФ). Тип исследуемого межъязыкового соответствия в данном случае это словосочетание – словосочетание.

Межъязыковые фразеологические эквиваленты (МФЭ) - это единицы фразеологии разноструктурных языков, совпадающие по значению с внутренней формой, морфо-синтаксической организацией и компонентному составу: к примеру, адвербиальные ФЕ: фр. *entre quatre murs* «в четырёх стенах».

Основным критерием выделения МФЭ является соответствие плана выражения фразеологической единицы (ФЕ) плану ее содержания. В приведенных ниже таблицах даются примеры межъязыковых

Таблица 1

Межъязыковые фразеологические эквиваленты французского, английского и русского языков

Фр.	Англ.	Рус.
être au septième ciel	be in seventh heaven	быть на седьмом небе
l'habitude est une seconde nature	custom is a second nature	привычка-вторая натура
entre deux feux	between two fires	между двух огней
de deux maux il faut choisir le moindre	of two evils choose the least.	из двух зол выбрать меньшее
se ressembler comme deux gouttes d'eau –	like two drops of water	быть похожим как две капли воды

фразеологических эквивалентов в трех исследуемых языках, а также в двух парах языков: французском – русском и английском – русском.

Таблица 2

Межъязыковые фразеологические эквиваленты французского и русского языков

Фр.	Рус.
Un à un	один к одному
En un mot	одним словом
En deux temps	в два счета
A deux pas de	в двух шагах от...
Mener le jeu double	вести двойную игру
Ne pas lier les deux mots	двух слов не связать
Brûler la chandelle par les deux bouts	жечь свечу с двух сторон, не жалеть себя
Entre deux poles	между двумя полюсами
Courir deux lièvres à la fois	погнаться за двумя зайцами
Etre assis entre deux chaises	сидеть между (меж) двух стульев

**Межъязыковые фразеологические эквиваленты английского и
русского языков**

Англ.	Рус.
Fifty-fifty	пятьдесят на пятьдесят
Number one	номер один (первоклассный)
Play first fiddle	играть первую скрипку
Play second fiddle	играть вторую скрипку;
Second breath	второе дыхание
Split in two	разорваться надвое
With one foot in the grave	(стоять) одной ногой в могиле
A cat has nine lives	у кошки 9 жизней
Every medal has two sides	у каждой медали две стороны
At first glance	на первый взгляд
Give somebody five	дать «пять»

Термин "межъязыковой фразеологический эквивалент" несколько условен, поскольку тождество морфо-синтаксической организации МФЭ не исключает генетически обусловленных расхождений в системах сопоставляемых языков (грамматика французского и английского языков, где предложение обладает четкой структурой и наличием всех главных членов предложения).

Межъязыковые фразеологические варианты (МФВ) - это разноязычные ФЕ, совпадающие по значению (значениям) и внутренней форме, не совпадающие по морфо-синтаксической организации и/или компонентному составу. Отношения *межъязыковой вариантности* таких ФЕ обусловлены нарушением взаимно-однозначного соответствия плана выражения (компонентного состава) сопоставляемых ФЕ. Явление

межъязыковой фразеологической вариантности может быть вызвано номинативной синонимией. Отсюда вытекает формирование следующей группы межъязыковых ФЕ - **межъязыковые фразеологические синонимы (МФС)** - фразеологизмы разных языков, где значение (значения) совпадают и/или частично совпадают по морфо-синтаксической организации и компонентному составу, и *не совпадают по внутренней форме*:

- коммуникативные ФЕ,: *фр. un oiseau dans la main vaut mieux que deux dans la haie*, *англ. a bird in the hand is worth two in the bush (a gift in the hand is better than two promises)*, *рус. лучше синица в руках, чем журавль в небе* - при тождестве дескрипторов «лучше реальное сейчас, чем желаемое когда-то», мотивирующие прототипы сопоставляемых ФЕ реализуются в изосемантической форме: *фр.* «лучше одна птица в руке, чем две на заборе», *англ.* «лучше одна птица в руке, чем две в кустах» (лучше подарок в руке, чем обещание двух подарков).

- вербальные ФЕ: *фр. faire d'une pierre deux coups*, *англ. kill two birds with one stone*, *рус. одним ударом двух зайцев убить* - при тождестве дескрипторов «сделать одновременно два дела», мотивирующие прототипы анализируемых ФЕ реализуются в идиосемантической форме: *фр.* «сделать два удара одним камнем», *англ.* «убить двух птиц одним камнем». В таблице 4 и таблице 5 приведены примеры на межъязыковые фразеологические

Таблица 4

Фр.	Рус.
Deux avis valent mieux qu'un	(один) ум хорошо, а два лучше
S'acharner sur qn comme deux chiens sur les os	жить, грызться, как две собаки
Se noyer dans une goutte d'eau	заблудиться в трех соснах
Tourner sept fois la langue dans la bouche avant de parler	семь раз отмерь, один раз отрежь
Le cousin à la mode de Bretagne	седьмая вода на киселе
Changer l'opinion comme de chemise	семь пятниц на неделе
Ne rien faire de ses dix doigts	палец о палец не ударить

варианты французского и русского, и английского и русского языков.

Таблица 5

Англ.	Рус.
As like as two peas	похожи как две капли воды
In the first place	первым делом
With one stroke of the pen	одним росчерком пера
Better one-eyed than stone-blind	из двух зол выбираешь меньшее
Between two stools you fall the ground	двум господам не служат
First think, then speak	думай дважды – говори раз
Four eyes see more (better) than two	одна голова хорошо, а две лучше

На примере ФЕ из таблиц 4 и 5 видно, что фразеологизмы совпадают в плане содержания, однако, план выражения довольно специфичен для каждого языка. Такого рода варианты мы называем **стилистическими**, когда образной номинации в одном языке соответствует необразная в другом, или когда в основе вариантов лежат разные образы: фр. «*à la mode de Bretagne*» = рус. «*седьмая вода*»; англ. «*pen*» = рус. «*перо*». Прослеживается культурная специфика данных ФЕ в реализации лексем со значением числа, к примеру: английской сема «*один*» соответствует русская «*два*» - из **двух** зол выбираешь меньшее - better **one**-eyed than stone-blind; французская сема «*один*» реализуется с помощью русской «*три*» - se noyer dans **une** goutte d'eau - заблудиться в **трех** соснах.

Межъязыковые фразеологические омонимы (МФО) - это ФЕ разноструктурных языков, полностью или частично совпадающие по компонентному составу, морфо- синтаксической организации и внутренней форме и *не совпадающие по значению (значениям)*, например:

- вербальные ФЕ, объединённые *межъязыковым мотивирующим прототипом* «одеть на две ноги один туфель/сапог»: фр. *mettre deux pieds dans un soulier* - «копаться, тянуть, волынить», «канителиться» - отношения межъязыковой омонимии данных ФЕ обусловлены тем, что они реализуют разные значения, при частичном/полном совпадении морфо-синтаксической организации, компонентного состава и внутренней формы, ср. фр. *bruler la chandelle par les deux bouts* (прожигать жизнь) – англ. *you cannot burn the candle at both sides* (один пирог два раза не съешь – «при двух взаимоисключающих возможностях приходится выбрать одну») (САПиФВ, 2001, 245).

Межъязыковые фразеологические антонимы (МФА) - это фразеологические единицы разных языков, частично или полностью не совпадающие по компонентному составу, морфо-синтаксической организации и внутренней форме и реализующие *противоположные значения*, например:

- вербальные ФЕ: англ. *hole in one* - успех с первого раза - рус. *первый блин комом*; фр. *un petit bout de...* - от горшка два вершка, англ. *half-pint* (человек маленького роста) - рус. *верста коломенская*. Данные МФА были выявлены на основании антонимии дескрипторов: англ. «неудача в первом деле – успех в первом деле»; «высокий человек – низкий человек», и морфо-синтаксической организации.

Межъязыковые диасемичные фразеологизмы (МДФ) - это разноязычные фразеологические единицы (МФЭ, МФВ, МФС, МФО или МФА), количество значений (семантический объём) которых *не совпадает*: анализируемые ниже ФЕ реализуют лишь одно общее значение «уплетать за обе щеки», но *семантические объёмы* фразеологизмов не совпадают: вербальная французская ФЕ фр. *manger à pleine bouche; déricher à belles dents* – уплетать за обе щеки *разг.*, реализующая значения: (а) 'уплетать за обе щеки', (б) 'занимать несколько прибыльных должностей'; (с) 'служить и нашим, и вашим'.

- субстантивная английская ФЕ *within four walls*, имеющее два значения: а) сидеть в четырех стенах; б) секретно, не должно выходить за пределы этой комнаты.

Анализ семантики фразеологических единиц с компонентом «числительное», изучение системных отношений между фразеологизмами различных языков, исследование важнейших процессов фразеобразования, изучение тематических группировок фразеологизмов способствует более глубокому проникновению в семантические процессы в составе фразем.

Несомненный интерес представляет сравнительно-сопоставительное изучение ФЕ и выявление языковых универсалий и национальной специфики языков, включающих различные числительные, а также исследование их культурных, исторических и религиозных истоков.

Исходя из классификации, предложенной выше, в данном исследовании мы выделяем четыре типа (группы) межъязыковых фразеологических соответствий. Предлагаемая нами схема исследования является частным случаем классификации Ю.П. Солодуба (1990), больше подходящий для анализа ограниченного круга ФЕ: в нашем случае объектом исследования являются ФЕ ограниченные семантикой – фразеологизмы с компонентом «числительное». Основанием для выделения данных групп являются результаты анализа сопоставления структуры значения ФЕ.

Для данного исследования фразеологические единицы французского и английского языков были сгруппированы по степени семантико-грамматического соответствия русским аналогам. В результате были выявлены **три базовые группы единиц**, выделяемые на основе лексического состава, системы морфологических категорий и форм, синтаксических категориальных конструкций и способов словопроизводства, и образа, лежащего в основе фразеологизма. В ходе исследования нами была выделена так называемая «смешанная» группа, для исследования единиц которой не представляется возможным использование вышеупомянутых критериев (например, когда ФЕ переводится описательно или только при помощи одного глагола)

Во-первых, выделяется группа абсолютных (полных) межъязыковых эквивалентов (языковых универсалий), где тождественны объём понятийного содержания, коннотации и вербальное выражение передаваемой идеи. В качестве примера, рассмотрим следующие ФЕ: *фр. courir deux lievres à la fois* - *англ. to chase after two hares at the same time* - *рус. гнаться сразу за двумя зайцами*. Грамматические формы ФЕ английского и французского языков соответствуют грамматическим формам русских фразеологизмов. Состав лексики анализируемых единиц совпадает полностью: *рус. гнаться* = *англ. to chase* = *фр. courir*, *рус. заяц* - *англ. hare* = *фр. lievre (m)*, *рус. сразу* = *англ. at the same time* = *франц. à la fois*. Во внутренней форме ФЕ во всех трёх языках лежит образ охотника, пытающегося одновременно гнаться за двумя зайцами, то есть лицо или группа лиц одним действием или приняв одно решение может реализовать сразу несколько целей.

Ср. также *фр. comme deux et deux (font quatre)* – *англ. as clear as (that) two and two make four* – *рус. ясно, как дважды два (четыре)*, где каждому компоненту соответствует его межъязыковой аналог: *англ. as clear as* = *рус. ясно, как*; *фр. deux et deux*; = *англ. two and two* = *рус. дважды два*; *фр. font quatre*; = *англ. make four* = *рус. четыре*. Имеется в виду, что положение дел, суть происходящего представляются однозначными, несомненными лицу, группе лиц. Говорится с одобрением, неформальное, неизменяемое и выступает в роли обстоятельства с фиксированным порядком слов-компонентов (БФСФЯ, с. 302). Образ ФЕ связан с представлением о числе как о способе отражения каких-либо реальных свойств вещей действительного, материального, т.е. независимо от нашего сознания, существующего мира (СРК, 1997, 368). Совокупность компонентов ФЕ соотносится с числовым кодом культуры. Образ ФЕ образуется метафорой, уподобляющей беспорность происходящего элементарной аксиоме арифметики, известной каждому человеку, независимо от уровня образованности.

Еще одним примером полных межъязыковых эквивалентов в анализируемых языках являются ФЕ: фр. *se ressembler comme de ux gouttes d'eau* – англ. *like two drops of water* – рус. *как две капли воды*, где лексический, грамматический состав, объем понятийного содержания совпадает полностью: фр. *deux gouttes*; = англ. *two drops* = рус. *две капли*; фр. *eau*; = англ. *water* = рус. *воды*. Образ ФЕ соотносится с природным кодом культуры, т.е. совокупностью имен и/или их сочетаний, обозначающих природные объекты, в т.ч. – освоение человеком в их отдельном бытии; он также соотносится с окультуренной человеком метрически-эталонной сферой. Имеется в виду, что лицо, предмет, деятельность или ситуация имеет абсолютный аналог в виде другого лица, другого предмета, другой деятельности, ситуации по какому-либо признаку, свойству или проявлению (БФСР: 303).

Языковая универсалия, реализованная ФЕ рус. *привычка- вторая натура* также входит в группу абсолютных межъязыковых эквивалентов: фр. *l'habitude est une seconde nature* – англ. *custom is a second nature* – рус. *привычка - вторая натура*, характеризующиеся совпадением грамматической и синтаксической форм, а также единым лексическим составом: фр. *l'habitude* = англ. *custom* = рус. *привычка*; фр. *seconde nature* = англ. *second nature* = рус. *вторая натура*. Отметим, что в русском и английском языке прослеживается тенденция к заимствованию слова из французского языка, ср.: фр. *nature* (f) = англ. *nature* (ж.р.) = рус. *натура* (ж.р.) и. Образ ФЕ восходит к одной из древнейших форм культуры – к антропологическому мировосприятию, ставящему человека во главе мироздания. Натура соотносится с антропным, или собственно человеческим, кодом культуры; она противопоставляется «привычке» по смежности значения. Компонент «вторая» принадлежит числовому коду культуры и символизирует во фразеологизмах единение приобретенных качеств и личности человека. Ср. также: фр. *de deux maux il faut choisir le moindre* – англ. *of two evils choose the least* и рус. *из двух зол выбрать меньшее*: фр. *deux*

= англ. *two* = рус. *двух*; фр. *maux* = англ. *evils* = рус. *зол*; фр. *choisir* = англ. *choose* = рус. *выбрать*; фр. *le moindre* = англ. *the least* = рус. *меньшее*. Таким образом, приведённые выше ФЕ можно отнести к группе абсолютных (полных) межъязыковых эквивалентов, являющихся в тоже время языковыми универсалиями сопоставляемых языков.

В исследуемой группе во французском языке насчитывается – 9,6 % абсолютных межъязыковых фразеологических эквивалентов, а в английском языке - 8,8 %, (от общего числа языковых фразеологических эквивалентов и аналогов разноструктурных языков, см. Приложение 1).

Также выделяется группа **близких межъязыковых фразеологических аналогов**, где общее идейное содержание передаётся сквозь призму разных образов, разного образного видения ситуации; лексический состав фразеологизмов в этом случае частично расходится. Например, ФЕ фр. *mésurer à son aune* - англ. *to measure by a yardstick* - рус. *мерить на свой аршин* совпадают по средствам выражения грамматических значений и семантической структуры. Лексический состав частично расходится: фр. *mésurer* = англ. *to measure* = рус. *мерить*, фр. *à son* ≠ англ. нет эквивалента = рус. *на свой*, фр. *aune* (f) - линейка длиной в один локоть (французская мера длины, равная 120 см.) ≠ англ. *a yardstick* - линейка, равная по длине одному ярду (мера длины в Англии, которая равна 91,44 см) , ≠ рус. *аршин* – линейка, длина которой 0,71 м). Семантика происхождения данных фразеологизмов основана на образе субъекта, отмеряющего что-либо при помощи измерительной линейки, то есть дающего оценку кому-либо или чему-либо в соответствии с личными представлениями. Главное отличие состоит в том, что в основе образа ФЕ лежит разные меры длины народа, а именно разная длина линейки, которыми они что-либо измеряют.

Ср. также: фр. *deux avis valent mieux qu'un* – англ. *four eyes see more than two* – рус. *одна голова хорошо, а две лучше*: фр. *deux*(два) - англ. *four*(четыре) - рус. *одна*; фр. *avis*(мнения) англ. *eyes*(глаза) - рус. *голова*, фр. *valent mieux*(ст *but* больше) - англ. *see more*(видят больше) - рус. *хорошо* ;

фр. qu'un(чем одно) - англ. than two (чем два) - рус. две лучшие Лексический состав в сопоставляемых ФЕ расходится: *рус. одна ≠ англ. four (четыре) ≠ фр. deux (два) ; рус. голова ≠ англ. eyes (глаза) ≠ фр. avis (мнения).* Ср. также ФЕ: *фр. faire d'une pierre deux coups* (букв. : «делать одним камнем два удара) – *англ. to kill two birds with one stone* (дословно: «убить двух птиц одним камнем) – *рус. убить двух зайцев одним ударом.* С остав лексики имеет некоторые расхождения: *фр. faire* (делать) ≠ *англ. to kill= рус. убить, фр. deux coups*(два удара) ≠ *англ. two birds* (двух птиц) ≠ *рус. двух зайцев , фр. d'une pierre* (одним камнем) = *англ. with one stone* (одним камнем) ≠ *рус. одним ударом* Имеется в виду, что лицо или группа лиц одним действием или, приняв одно решение, может реализовать сразу несколько целей. Говорится с одобрением (БСФР: 706-707). Образ контрастирует с пословицей «За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь . Межъязыковая эквивалентность данной ФЕ свидетельствует о древности и универсальности такого восприятия ситуации, когда для двух, обычно разных, дел используется какое-либо одно средство. (Мелерович, Мокиенко, 1997. с. 241).

В исследуемой группе присутствует 4 % близких межъязыковых фразеологических аналогов в английском языке и 6,8 % - во французском языке (Приложение 2).

В-третьих, выделяется группа относительных (неполных) межъязыковых фразеологических аналогов, где понятийное сходство фразеологизмов ощущается, но их формирование в трех языках основывается на абсолютно разных образах, а, следовательно, и лексическая наполненность ФЕ может иметь мало общего или вовсе быть различной. Главная основа сопоставления - лексическая и образная, а грамматический критерий в расчет не берется. К примеру, лексический состав в следующих ФЕ сильно различается: *фр. gens de la même farine – англ. birds of a feather – рус. одного поля ягоды.* Лексика в составе данных фразеологических единиц кардинально различается: *рус. ягоды ≠ англ. birds* (птицы) ≠ *фр. gens* (люди); *рус. одного поля ≠ англ. of*

a feather (одного полета) ≠ фр. de la tête farine (из одной муки). ФЕ русского языка в целом воспринимается на фоне метафоры, уподобляющей землю, поле женщине, матери, прародительнице живого. В то время как ФЕ английского и русского языков связаны образами «птиц одного полета» и «муки» (соотв. в рус. яз. «из одного теста»).

Русская культура предполагает образование ФЕ метафорой, уподобляющей людей одного социального круга, схожей судьбы плодам, возросшим на одной и той же земле, - ягодам одного поля. Здесь общность каких-либо качеств уподобляется родственным связям, общему происхождению. ФЕ английского языка в целом выступает в роли стереотипного представления о людях, очень похожих друг на друга по поведению, характеру, взглядам, отношению к жизни – как птицы одного семейства – «одного полета». Ср. также ФЕ русского языка «из одного (из того же) теста» и аналог во французском языке – «gens de la tête farine» (БФСР: 495-496).

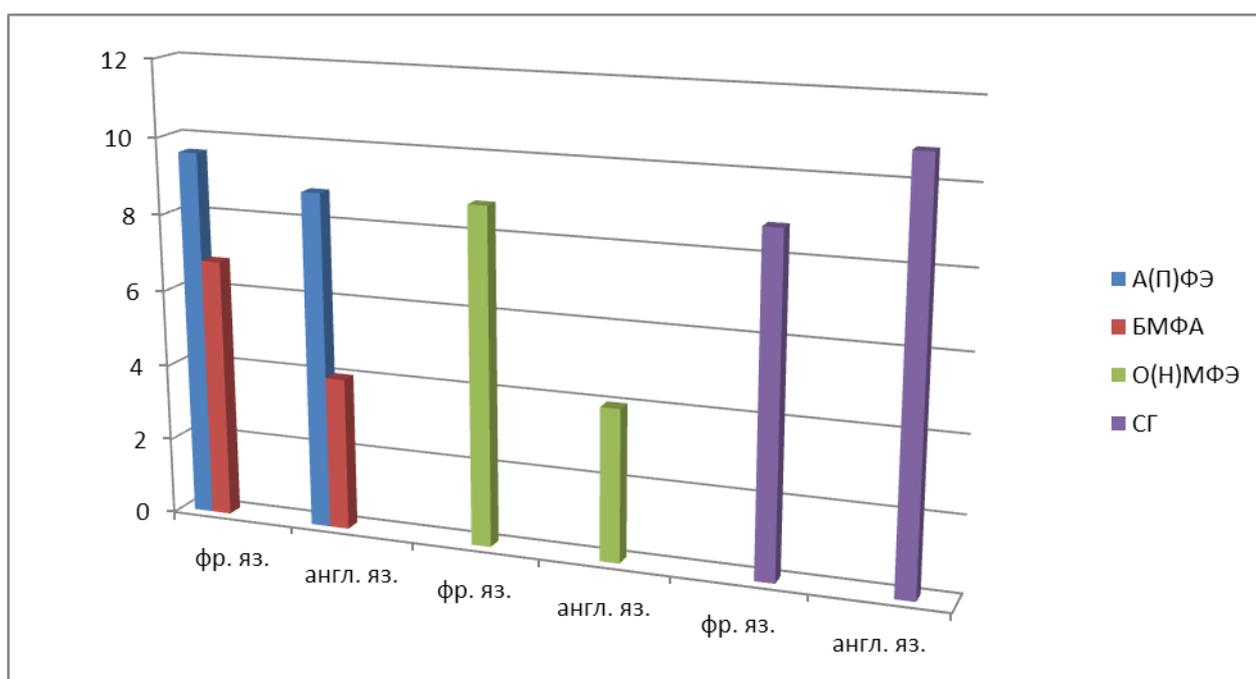
Относительных межъязыковых фразеологических аналогов в исследованной группе насчитывается 4 % в английском и 8,8 % во французском языках (Приложение 3).

Кроме того, была выделена четвёртая, самая многочисленная, так называемая «смешанная группа, которая не попадает под приведённую выше классификацию, так как границы её очень размыты. К ней относятся межъязыковые соответствия, не являющиеся в чистом виде фразеологизмами с нашей точки зрения. Например, случаи, когда русский фразеологизм переводится на английский или французский языки глаголом, описательным оборотом: фр. *être (se mettre) sur son trente et un* (прост. – рус. *разодеться, расфуфыриться* (глагол) ; фр. *signer (donner) son consentement de deux mains* – рус. *согласиться* (глагол) ; фр. *faire en deux coups six trons* (разг.) – рус. *делать успехи*; англ. *dressed up to nines* – рус. *одеться вычурно*; англ. *drive a coach and four (horses) through* - найти лазейку (чтобы свести на нет (обойти) закон, юридическое постановление, соглашение и т. д. . – русского

эквивалента нет; рус. *за тридцать земель* – английских и французских аналогов нет.

В эту же группу можно отнести и редкие случаи отсутствия межъязыковых фразеологических соответствий (эквивалентов и аналогов) в русском языке, которые также способствуют лучшему пониманию национальной картины мировидения в различных языках. Рассматриваемые ФЕ не имеют в русском языке фразеологического эквивалента или аналога. Например, *англ. half pint* (дословно «в полпинты»); *фр. un de plus* (арго) – (дословно «один ко многим – ещё один рогоносец»); *фр. partir pour les deux* (букв. «пойти на каторгу» (вор. жаргон); *англ. dime a dozen* (амер., разг.) – (дословно «десятицентровая монета в дюжине») переводится на русский язык как «дешевый» или «пруд пруди». Таким образом данные ФЕ составляют фонд национально-специфических особенностей фразеологии в разноструктурных языках.

В исследуемой группе в английском языке насчитывается 10,8 % межъязыковых соответствий, используемых при переводе тех или иных ФЕ другого языка, которые можно отнести к «смешанной группе», во французском языке – 8,8 % (Приложение 4).

Таким образом, анализ структуры значения фразеологизмов с компонентом «числительное» во французском, английском и русском языках показывает, что часть из них совпадает по лексико-грамматическому и образному критериям, другие ФЕ имеют некоторые различия в коннотативно-образном осмыслении одного и того же понятийного содержания, а третьи - имеют принципиально иную структуру значения, по сравнению с исходным, базовым русским фразеологизмом. На приведенном выше графике изображено процентное соотношение узуральности данных категорий ФЕ в современном дискурсе.

2.5. Выводы

Данная глава посвящена сопоставительному семантическому анализу ФЕ с компонентом числительным в разноструктурных языках. Для удобства все фразеологические единицы разделяют на семантико-грамматические разряды. Семантико-грамматическая категоризация фразем позволяет осмыслить, под какую общую категорию подводится то или иное фразеологическое значение. Признаки фразеомообразующих компонентов группируются в семантико-грамматические разряды: субстантивные, адъективные, глагольные, адвербиальные и интеръективные ФЕ.

Лексемам в составе фразеологических единиц свойственна семантизация, частичная семантизация, частичная десемантизация, полная десемантизация.

При рассмотрении самых частотных фразеосочетаний в трех анализируемых языках, в количественном отношении выделяются три группы аналогов: трехязычные аналоги: фр. – англ. – рус. и три пары двуязычных аналогов: самые широко распространенные группы: фр. – рус.; англ.- рус., и узкая группа: фр. - англ.

Межъязыковые фразеологические аналоги подразделяются следующие типы: межъязыковые фразеологические эквиваленты (МФЭ), межъязыковые фразеологические варианты (МФВ), межъязыковые

фразеологические синонимы (МФС), межъязыковые фразеологические омонимы (МФО), межъязыковые фразеологические антонимы (МФА) и межъязыковые диасемичные фразеологизмы (МДФ).

Для проведения анализа фразеологические единицы французского и английского языков были сгруппированы по степени семантико-грамматического соответствия русским базовым аналогам. В результате были выявлены **три основные группы ФЕ**, выделяемые на основе **лексического** (лексический состав), **грамматического** (система морфологических категорий и форм, синтаксических категорий и конструкций, способов словопроизводства) и **образного** (образ, лежащий в основе ФЕ) критериев, и **четвёртая**, так называемая **«смешанная» группа**, для сопоставления ФЕ которой не представляется возможным использовать вышеперечисленные критерии (например, отсутствие фразеологического соответствия в других языках: когда ФЕ переводится описательно или только при помощи одного глагола).

В результате исследования было выявлено, что в группе абсолютных (полных) межъязыковых эквивалентов, являющихся в тоже время языковыми универсалиями сопоставляемых языков насчитывается – 9,6 % французских абсолютных межъязыковых фразеологических эквивалентов, а в английском языке - 8,8 %, (от общего числа межъязыковых фразеологических эквивалентов и аналогов) В исследуемой группе близких межъязыковых фразеологических аналогов присутствует 4 % близких межъязыковых ФЕ в английском языке и 6,8 % - во французском языке. Относительных межъязыковых фразеологических аналогов в исследованной группе насчитывается 4 % в английском и 8,8 % во французском языках. В «смешанной» группе аналогов в английском языке насчитывается 10,8 % межъязыковых соответствий, используемых при переводе тех или иных ФЕ другого языка, во французском языке – 8,8 %.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Внутри одной лексико-семантической группы в парных языках, при создании фразеологических выражений, выбираются разные слова. Во фразеологических выражениях могут реализовываться разные значения одних и тех же слов.

В основе фразеологического выражения лежит образ, создающийся путем сочетания понятий. Понятия могут по-разному сочетаться в разных языках.

Образность идиоматического выражения, еще более специфична, чем его лексический или грамматический состав. Дословный перевод фразеологических единиц либо делает мысль непонятной, либо очень образной, свежей. Даже самое запертое, обыденное выражение при дословном переводе на другой язык может приобрести большую живость и выразительность. Писатели нередко используют данный прием.

Число является одним из базисных концептов, который отражает единый для всех людей когнитивный процесс. Число – важный компонент в языковой картине мира, так как в каждом языке имеется определенное число идиом с именами чисел, без которых трудно представить, например, английскую, французскую или русскую культуру. Вместе с тем наблюдаются национально специфические символические значения числа, которые с особой яркостью проявляются во фразеологических единицах.

Фразеология остается средством действующей мысли, в которой и реализуется представление о мире. Фразеологизмы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают из поколения в поколение культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Именно поэтому все фразеологизмы обладают лингвокультурной спецификой. Культуроносный компонент присущ любому элементу языка, однако особого внимания заслуживает фразеологическая часть языка.

Непосредственная культураносность фразеологической системы гораздо более четко и прозрачно выражена по сравнению со стилистически нейтральным словарем. Данное свойство обуславливает особый статус фразеологической сферы в формировании концептуальной картины мира в сознании носителей языка, относящихся к разным культурам.

Проведенный анализ свидетельствует, что метафорическое и символическое смыслообразование во фразеологизмах с числовым компонентом в сопоставляемых языках базируется на системе культурных и образных ассоциаций и отражает своеобразный, исторически сложившийся способ интерпретации мира человеком русской, французской или английской культуры, не теряя своей актуальности в современной речи. Национальное мировидение, национальная картина действительности в каждом из трёх языков имеет своеобразие, не совпадает полностью. Формирование же общих элементов, характеризующихся совпадением образности и лексико-грамматических структур, объясняется независимым возникновением сходных ФЕ в разных языках или заимствованием.

Лингвистические исследования последних лет позволяют подойти к изучению ФЕ с точки зрения их связи с культурой народа – носителя языка. Выделение национально-культурного компонента значения фразеологизма дает возможность исследовать ФЕ в плане отражения в них культурных особенностей национального характера народа, показать, что семантика фразеологизма в силу его многокомпонентности в значительно большей степени, чем семантика отдельного слова, передает специфику самых различных ценностных ориентаций данного социума.

Данное исследование с применением лингвострановедческого комментария позволило приблизиться к постижению тайны иной ментальности, к пониманию отношения к миру и своему месту в этом мире разными народами. Подводя итог, отметим, что межъязыковые отношения ФЕ в нашей работе определяются степенью соотносимости общих значений и структуры конкретных ФЕ русского, английского и французского языков.

В исследуемых языках полная фразеологическая эквивалентность, а именно совпадение ФЕ по структуре и семантике, проявляется редко. Частичная фразеологическая эквивалентность представляет собой наиболее значительную часть от общего состава фразеологизмов и предполагает совпадение семантики соотносимых фразеологизмов разной или почти разной структурной организации. Структурное различие обычно вызывает семантическое различие ФЕ. Поэтому соотносимые фразеологизмы чаще всего представлены фразеологическими аналогами, которые характеризуются одинаковым или близким сигнификатом. Безэквивалентные ФЕ в трех языках составляют меньшую часть, они передаются словами, свободными словосочетаниями или описательно. Большинство частичных эквивалентов (фразеологических аналогов) и безэквивалентных ФЕ свидетельствуют о национальной самобытности фразеологических систем каждого из исследуемых языков.

Лингвистический анализ способствует пониманию культуры другого народа, а наличие отраженной в пословицах универсальной мудрости вселяет надежду на осознание общечеловеческих ценностей разными народами и на возможность преодоления конфликта культур.

Семантика ФЕ, появляющаяся в результате метафорического преобразования семантики исходных словосочетаний, складывается в результате процесса когнитивной интеграции познания окружающей действительности. Таким образом, можно констатировать влияние восприятия человеком изменяющегося реального мира, существующего в пространстве и во времени, на выбор источника метафоризации, на потенциал создания фразеологического значения. Исследование фразеологической категоризации объективной действительности позволяет выявить способы рефлексорного осмысления мира тем или иным этносом, а также особенности национального менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алифференко, Н.Ф. Фразеология и паремиология: учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алифференко, Н. Н. Семенов. – М. : Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Предислов. О.И. Бродович. Изд. 3-е., - М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 216 с.
3. Андреева, В.А. Литературный нарратив: дискурс и текст: Монография / В. А. Андреева. – СПб. : Норма, 2006. – 182 с.
4. Афинская, З. Н. К вопросу о мотиве как категории лингвокультурологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и международная коммуникация, 2014, №3. – С. 29.
5. Балли, Ш. Французская стилистика. – М. , «Иностранная литература», 1961.
6. Барабаш Т. А. Перевод образной фразеологии (на материале перевода) - М. , 1955. - 1259 с.
7. Барт, Р. Лингвистика текста. Новое в зарубежной лингвистике. , вып. № 8, Лингвистика текста / под общ. ред., и вст. ст. Т. М. Николаевой. – М.: Прогресс, 1978. – С. 442-462.
8. Вдовиченко, А. В. Септуагинта в дискурсивной парадигме описания языка / Язык и культура: Факты и ценности. – М. , 2001. – С. 395–408.
9. Вежбицкая, А. Лексические прототипы как универсальное основание межъязыковой идентификации «частей речи» . Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – с. 134-170.
10. Вейнрайх, У. Языковые контакты. – Киев: «Вища школа», 1979.
11. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В.Г. Костомаров. - Изд. 4-е., перер. и доп. – М.: «Русский язык , 2003.
12. Виноградов, В.В. Избранные труды. - М., 1977.
13. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц // В. В. Виноградов. – М., «Наука , 1977. – с. 140-161.

14. Волина, В.В. Русский язык: веселая грамматика: имя числительное. - М.: Дрофа, 2001. - 48 с. ■
15. Востоков, А.Х. , Русская грамматика. - СПб., 1835. - 219 с. ■
16. Гак В.Г. Национально- культурная специфика меронимических фразеологизмов. Фразеология в контексте культуры. – М. , 1999. – С. 260-265.
17. Гак, В. Г Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2004. – 862 с. , 230
18. Гак, В.Г. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 336 с.
19. Гак, В.Г. К типологии лингвистических номинаций. Языковая номинация: общие вопросы / отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М., 1977. – С. 230-294.
20. Глинн-Джонс, Тим Странности цифр и чисел. Занимательная информация / Тимм Глинн-Джонс; пер. с англ. О.Л. Табуной. – М.: РИПОЛ классик, 2009. – 208 с.
21. Гудков, Д.Б. Единицы кодов культуры; проблемы семантики. Язык, сознание, коммуникация: сб. статей., вып. 26.– М., 2004.
22. Гуляр, Т. Б. Побудительный дискурс / Коммуникативно-функциональный аспект языковых единиц. Сборник научных трудов / под. ред. Л. П. Рыжова. – Тверь: Тверской государственный университет, 1993. – С. 37-43.
23. Жаналина, Л.К. Актуальные проблемы языкознания. Теория. Учебно-методические комплексы дисциплины / учеб. пособие – Алматы: Print-S, 2006. – 330 с.
24. Жуков, В.П. Русская фразеология: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. - М.: Высшая школа, 1986. - 310 с.

25. Загрязкина, Т.Ю. Речь о французском языке и проблема языкового многообразия / вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. / Лингвистика и международная коммуникация №2, 2013. – С. 62.
26. Иванов, Н.В. Проблемные аспекты языкового символизма. Опыт теоритического рассмотрения. – Минск, 2002. – 111 с.
27. Карасева, Е.В. Современные подходы к проблеме «разум – тело» и исследование предметно-чувственного компонента значения слова. – Вестник ТвГУ, Выпуск «Лингвистика и межкультурная коммуникация», - 7/2007. – 121 с.
28. Кириллова, Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект. – Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 319 с.
29. Ковшова, М. Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры. Известия РАН. – Серия литературы и языка. – М., 2008. – с. 60 – 65.
30. Ковшова, М. Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц: Когнитивные аспекты: автореф. дис. канд. филол. наук. М. – 1996.
31. Колесов, В. В. История русского языка в рассказах. – 3-е перераб. – СПб.: «Авалон», «Азбука-классика», 2007. - с.185-193.
32. Кубрякова, Е. С. О семиотически маркированных объектах и семантически маркированных ситуациях в языке. Концептуальное пространство языка: сб. научных трудов, Тамбов. – 2005. – С. 96.
33. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Вопросы когнитивной лингвистики. М., 2004. – С. 6-17.
34. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. - М. : Языки славянской культуры, 2004. - 560 с.

35. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Уч. пос. для ин- тов и фак. Иностр. Яз. – 3-е изд., стереотип. – Дубна: Феникс+, 2005. – 488 с.
36. Леонтьев, А. А. Основы теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1984. – 368 с.
37. Лотман, Ю.М. Символ в системе культуры. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история., М. , 1999. – С. 148.
38. Лурия, А.Р. Язык и сознание. М. , 1998. – С. 90-95.
39. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. – Минск: ТетраСистмс, 2004. – 256 с.
40. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб пособие для суд. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. – 2018 с.
41. Мельчук, И. А. Язык: от смысла к тексту - М.: Языки славянских культур, 2012. - 176 с.
42. Моисеева, С. А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках: монография. – Белгород: Изд- во БелГУ, 2005. – 248 с.
43. Молчанова, Г. Г. Английский как неродной. Текст, стиль, культура, коммуникация. – М., 2007. – С. 78.
44. Назарян, А. Г. Фразеология современного французского языка: Учеб. – 2-е изд. перераб. и доп. – М. : Высш. Шк., 1987. – 288 с.
45. Осипова, О.А. Функциональная вариативность древнегерманских консонантных основообразующих формантов. - М.:», 2008. - с. 153-170.
46. Панфилов, В. З. Философские проблемы языкознания. – М.: Наука, 1977. – 160 с.
47. Поливанов, Е.Д. Круг современных проблем современной лингвистики // Русский язык в советской школе. - М., 1929. - № 1. - с. 57-62.
48. Поливанов, Е. Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. - Ташкент, 1933. - 182 с.
49. Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М. : Высшая школа, - 1980. – 143 с.

50. Реформатский, А.А. Лингвистика и поэтика. - М. , 1987.
51. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. – М. : Аспект Пресс, 1996. - 536 с.
52. Розенталь Д.Э., Словарь- справочник лингвистических терминов / Д.Э Розенталь, М.А. Теленкова. - М., 1985. – 357 с.
53. Ройзензон, Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии: Учеб. пособие. - Самарканд: Изд-во СамГУ им. А. Навои, 1973. - 223 с.
54. Соколова Г.Г. Фразеология французского языка (семантический аспект фразеологических единиц): Учебное пособие. – М., 1986. – С. 4.
55. Соколова, Г.Г. Фразеологическая парадигма многозначности во французском языке / Актуальные проблемы французской филологии: Сборник научных трудов. Вып. 4. – М., 2006.
56. Соколова, Г.Г. Фразеобразование во французском языке. – М., 1987.
57. Солодуб, Ю.П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования // Филологические науки. № 6., 1990. – с. 55-65.
58. Степанов, Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности / Язык и наука конца XX века: сб. статей. – М.: РГГУ, 1995. – 432 с.
59. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка: (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). – М., 1985. – С. 229.
60. Стернин, И.А. Семантический анализ слова в контексте / И.А. Стернин, М.С. Саломатина. – Воронеж: «Истоки», 2011. - 150 с.
61. Супрун, А.Е. О русских числительных. - Фрунзе, изд. 2-е перераб., 2003. - 172 с.
62. Телия В.Н. Семантика идиом в функционально- параметрическом отображении // Фразеография в Машинном фонде русского языка. – М., 1990. С. 41.
63. Телия, В. Н. Номинация. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: «Сов. Энциклопедия , 1990. – 653 с.

64. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты. – М., Школа «Языки русской культуры», 1996.
65. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.
66. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000. – С. 80.
67. Толстой, Н. И. Слово в обрядовом тексте. Славянское языкознание. 11 международный съезд славистов. Доклады российской делегации. – М., 1993. – с. 163 – 164.
68. Хайдеггер, М. Бытие и время. Ad Marginem, пер. с нем. В. В. Бибихина, Харьков: Фолио, 2003. – 503 с.
69. Цветкова, Т. С. Английская грамматика: ключ к пониманию. – М.: Эксмо, 2012. – 336 с.
70. Челнокова, А.А. Имя числительное как часть речи / Типология высказывания и текста: сборник статей / Коллектив авторов. – Самара; Изд-во МИР, 2006. - с.79-90.
71. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка, - М.: книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. - 272 с.
72. Швачко, С. А. Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках. - Киев: Вища школа, 1981. - 143 с.
73. Шипицына, Г.М. Лексикография, лексикология и фразеология русского языка: инновационные процессы, системность: учеб.-метод. пособие / Г. М. Шипицына, М.Б. Геращенко. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2012. – 112 с.
74. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык: Лексика. - М., 2009.
75. Cassirer, E. The Philosophy of Symbolic Forms., Vol. 1, – New Haven, 1995. – 43 p.

76. Longrée, D., Le motif: une unite phraseologique englobante. Etendre le champ de la langue au discours / S. Mellet. URL: <http://www.cairn.info/>.

77. Jespersen, O. Философия грамматики / пер. с англ. В. В. Пассека. — М. : Изд- во иностранной литературы, - 1958.

78. Ullmann, S. Words and their use. - New York, - 1951.

79. http://exp_linguist.academic.ru/796

80. <http://www.grammar.ru>

Список словарей:

1. Англо-русский словарь идиом и устойчивых словосочетаний современной прессы (по социально-экономическим и международным проблемам) (А-РСИиУС) / К. А. Солодушкина. – М.: ИНФРА- М, 2014. – VI, 243 с.

2. Англо-русский словарь илиом. 5500 наиболее употребительных устойчивых словосочетаний с примерами (А-РСИ) / сост. А. М. Винокуров. – М.: Мартин, 2011. – 352 с.

3. Англо-русский фразеологический словарь (А-РФС) / А. В. Кунин. – М.: Рус. яз. , 1998. – 512 с.

4. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий (БФСРЯ- 3. У.КК) / Отв. ред. В.Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М. : АСТ- ПРЕСС КНИГА. – 784 с.

5. Занимательный французско-русский фразеологический словарь (ЗФ-РФС)/ сост. Смирнова Н.С. - М. : ИД «Муравей», 2000. – 384 с.

6. Краткий русско- английский фразеологический словарь. – М. : Рус. яз., 1988. – 544 с.

7. Новый большой французско-русский фразеологический словарь (НБФ-РФС) / В. Г. Гак, Л. А. Мурадова и др. ; по ред. В.Г. Гака. – М.: Рус.яз. – Медиа, 2005. – XX, 1625 с.

8. Новый учебный словарь фразеологии современного английского языка (НУСФСАЯ)/ под ред. М. Е. Опаленко. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2004. – 351 с.
9. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь (И-ЭС) / СПбГУ, Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л. И. Степанова / под ред. В.М. Мокиенко. - М. : Астрель, АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.
10. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь / сост. В.П. Фелицына, В.М. Мокиенко. - М. , 1990.
11. Русско-английский фразеологический словарь переводчика / под ред. С.С. Кузьмина – М.: Флинта: Наука, 2001. – 776 с.
12. Словарь английских пословиц и фразеологических выражений (САПиФВ) / сост. А.А. Хазан. – Смоленск: Русич, 2001. – 560 с.
13. Словарь. Фразеологизмы в русской речи / сост. А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко – М.: «Русские словари», 1997.
14. Учебный фразеологический словарь русского языка / под ред. А.Н. Тихонова и Н.А. Ковалевой. – М.: ООО «Издательство АСТ», «Издательство Астрель», 2001. – 528 с.
15. Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. А.И. Фёдорова. — М.: Астрель, АСТ, 2008. – 544 с.
16. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с.
17. Словарь лингвистических терминов/ под ред. Т. В. Жеребило. – Магас.: Изд-во ИнГУ, 2004. — 155 с.
18. Словарь Социолингвистических терминов/ под ред. В. Ю. Михальченко. - М.: 2006. — 312 с.
19. Телия, В.Н. Номинация, фразеология / Лингвистический энциклопедический словарь / М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

**Группа абсолютных (полных) трехязычных межъязыковых эквивалентов
(языковых универсалий)**

Фр.	Англ.	Рус.
Courir deux lievres à la fois	to chase after two hares at the same time	гнаться сразу за двумя зайцами
Comme deux et deux (font quatre)	as clear as (that) two and two make four	ясно, как дважды два (четыре)
Se ressembler comme deux gouttes d'eau	like two drops of water	как две капли воды,
L'habitude est une seconde nature	custom is a second nature	привычка - вторая натура
De deux maux il faut choisir le moindre	of two evils choose the least	из двух зол выбрать меньшее
Etre a u septième ciel	be in seventh heaven	быть на седьмом небе
Entre deux feux	between two fires	между двух огней
Une hirondelle ne fait pas le printemps	one swallow does not make a summer (one woodcock does not make a winter)	одна ласточка весны не делает

**Группа абсолютных (полных) двуязычных межъязыковых эквивалентов
(языковых универсалий)**

Фр.	Рус.
Un à un	один к одному
En un mot	одним словом
En deux temps	в два счета
A deux pas de	в двух шагах от...
Mener le jeu double	вести двойную игру

Ne pas lier les deux mots	двух слов не связать
Brûler la chandelle par les deux bouts	жечь свечу с двух сторон, не жалеть себя
Entre deux poles	между двумя полюсами
Courir deux lièvres à la fois	погнаться за двумя зайцами
Etre assis entre deux chaises	сидеть между (меж) двух стульев
La cinquième colonne	пятая колонна
Le sixième sens	шестое чувство
La ville aux sept collines	город на семи холмах
Sept péchés capitaux	семь смертных грехов
Sept merveilles du monde	семь чудес света
La huitième merveille du monde	восьмое чудо света. Одно из семи чудес света
Англ.	Рус.
Fifty-fifty	пятьдесят на пятьдесят
Number one	номер один (первоклассный)
Play first fiddle	играть первую скрипку
Play second fiddle	играть вторую скрипку;
Second breath	второе дыхание
Split in two	разорваться надвое
With one foot in the grave	(стоять) одной ногой в могиле
A cat has nine lives	у кошки 9 жизней
Every medal has two sides	у каждой медали две стороны
At first glance	на первый взгляд
Give somebody five	дать «пять»
First among equals	первый среди равных
One scabby sheep will mar a whole flock	одна паршивая овца все стадо портит
To learn a thing or two	научиться паре вещей

Группа близких трехязычных межъязыковых эквивалентов (языковых универсалий)

Фр.	Англ.	Рус.
Mésurer à son aune (линейка длиной в 120 см.)	to measure by a yardstick(линейка, длиной в 91,44 см)	мерить на свой аршин (мера длины - 0,71 м)
Faire d'une pierre deux coups (букв.: «делать одним камнем два удара»)	to kill two birds with one stone (дословно: «убить двух птиц одним камнем»)	убить двух зайцев одним ударом.
Deux avis valent mieux qu'un	four eyes see more than two.	одна голова хорошо, а две лучше
On pense mieux à deux que tout seul	two heads are better than one.	одна голова хорошо, а две - лучше
Группа близких двуязычных межъязыковых эквивалентов (языковых универсалий)		
Фр.	Рус.	
On ne meurt qu'une fois	двум смертям не бывать, а одной не миновать	
Les deux font la paire	два сапога – пара	
Servir deux maîtres	служить и вашим и нашим	
Demander à deux genoux	умолять на коленях	
Les quatre horizons	четыре стороны света	
Cinquième roué du carosse	пятая спица в колесе	

Tourner sept (4, 10) fois la langue dans la bouche avant de parler	семь раз отмерь, один раз отрежь
Cent pour cent	на все сто
Avoir cent fois raison	быть сто раз правым
S'acharner sur qn comme deux chiens sur les os	жить, грызться, как две собаки
Se noyer dans une goutte d'eau	заблудиться в трех соснах
Le cousin à la mode de Bretagne	седьмая вода на киселе
Dans la semaine des quatre jeudis	семь пятниц на неделе
Англ.	Рус.
First think, then speak	думай дважды – говори раз
The fox isn't taken twice in the same snare	старую лису дважды не проведешь
He gives twice who gives a trice	кто скоро помог, тот дважды помог
Measure twice(trice) and cut once	семь раз отмерь, один раз отрежь
One misfortune comes on the back(neck) of another	одна беда идет, другую ведет
Tenth wave	девятый вал

Группа относительных (неполных) межъязыковых фразеологических аналогов (национальная специфика)

Фр.	Англ.	Рус.
Un mouton à cinq pattes	a fifth wheel	пятое колесо в телеге
Avoir la sagesse de Solomon. Avoir la science infuse	one too many for somebody	(быть) семи пядей во лбу
Gens de la même farine	birds of a feather	одного поля ягоды.
Группа относительных (неполных) двуязычных межъязыковых эквивалентов (национальная специфика)		
Фр.	Рус.	
Claire comme le jour	как дважды два	
D'un côté le loup nous menace, de l'autre le chien	между двух огней	
Porter habit de deux paroisses разг. –	служить и вашим, и нашим	
Faire qch e n deux coups de cuiller à pot	(сделать) в два счета	
Le cousin à la mode de Bretagne	седьмая (десятая) вода на киселе	
Changer l'opinion comme de chemise	семь пятниц на неделе	
Faire feu des quatre fers	вертеться как белка в колесе (букв. : «стрелять из четырех ружей)	
Et que ça sauté	одна нога здесь, другая там	
L'union fait la force	один в поле не воин	
Tel pain, tel soupe	два сапога - пара	

Cela coule de source	как дважды два
Simple comme bonjour	как дважды два просто
Ni chair ni poisson –	ни два, ни полтора
Promettre plus de beurre que de pain. Donner l'eau bénite à la cour. Donner de belles paroles	наобещать с три короба
Passer du coq à l'âne	перескакивать в пятого на десятое
Parler à batons rompus	(рассказывать) с пятого на десятое
Suer sang et eau	семь потов сошло
Pour un moine l'abbaze ne chôme pas	семеро одного не ждут
Ne rien faire de ses dix doigts. (букв.: «вертеть большим пальцем»)	плевать в потолок.
Англ.	Рус.
As cross as two sticks	не в духе, зол как черт
There is a slip between the cup and the lip	бабушка надвое сказала
Half pint (букв, в полпинты)	два вершка от горшка – 'Очень низкий, низкого роста, маленький'
All bread is not baked in one oven	стричь под одну гребенку
One drop of poison infects the whole tune of wine	одна паршивая овца все стадо портит
Six of one and half a dozen of the other	что в лоб, что по лбу
Two eyes upon ten fingers	о двух головах

«Смешанная» группа двуязычных межъязыковых аналогов

Фр.	Рус.
Etre (se mettre) sur son trente et un	разодеться, «расфуфыриться»
Signer (donner) son consentement de deux mains	согласиться
Faire en deux coups six trons	делать успехи
De deux paroisses	(несоответствующие, неподходящие)
Etre de deux paroisses	(быть лицемером)
Applaudir des deux mains	(горячо одобрять)
Et de deux!	разг. с плеч долой; и дело с концом
Partir pour les deux	пойти на каторгу (вор. жаргон)
Gros comme deux liards de beurre	маленький, ничтожный.
Mettre les deux bouts ensemble	найти правильное решение
Ne manger que d'un pain	однообразно жить
(Ne pas) se faire dire deux fois	(не) заставлять себя долго просить
Revenir entre deux fers	низкопробное
Tiens mes deux	держи карман шире
Deux têtes dans un bonnet	единомышленники
Se crever pour gagner deux fois rien	надрываться за гроши
Le vin de deux oreilles	скверное вино
Dormir sur les deux oreilles	считать себя в полной безопасности
Frapper les trois coups	дать сигнал к поднятию занавеса
Sot en trois lettres	дурак набитый

Un trois sans rien	полное ничтожество
Brave à trois poils	храбрец
Se mettre en quarante	обижаться
Tomber (être) dans le trente-sixième dessous. Etre au trente-sixième dessous	провалиться (о пьесе);
Англ.	Рус.
be in sevens and elevens	быть в порядке
dressed up to nines	одеться вычурно
drive a coach and four (horses) through	найти лазейку (чтобы свести на нет (обойти) закон, юридическое постановление, соглашение и т.д. .
At the eleventh hour	в последний момент, в последнюю минуту
At sixes and sevens	(все) в беспорядке
Count to ten	считать до десяти (чтобы успокоиться)
Daily dozen	разг., физзарядка
Dime a dozen –	амер. , разг., дешевый
Forty winks -	короткий послеобеденный сон
Have two strikes against one –	быть в невыгодном положении
Hot one	нечто необычное, исключительное
Knock smb (smth) for six	добиться решительной победы, ошеломить
Put in one's two cents worth	(амер., разг) высказаться (в споре), сказать свое слово; лезть со своим мнением
Put two and two together	«смекнуть»
Take smb down a peg or two	(разг.) осадить кого- либо
Talk nineteen (forty) to dozen	тараторить
Three-ring circus	неразбериха

Two a penny	дешевка	
Two-time smb	(амер., жарг.) обманывать кого-либо	
Better one word in time than two afterwards	лучше вовремя произнести одно слово, чем два, но слишком поздно	
First impression are most lasting	первое впечатление всегда самое сильное	
He isn't laughed at that laughs at himself first	не смеются над тем, кто сам над собой первым посмеется	
One fool makes many	один дурак многих дураками делает	
One step above the sublime makes the ridiculous	от великого до смешного один	
One thing at a time	не берись за все сразу	
One volunteer is worth two pressed men	один доброволец стоит двух подневольных	
Фр.	Англ.	Рус.
-	-	за тридевять земель
-	-	сорок сороков – «бесчисленное множество, количество чего-либо»
-	-	сорок два с кисточкой – «шутливо-фамильярное приветствие при встрече»
-	-	семь верст до небес (и все лесом) - «очень много»
-	-	за семь верст киселя есть – «далеко и попусту идти, ехать, тащиться и т. п. к-л.»